Не люби меня

Автор:
Вероника Соболева

Не люби меня

Вероника Орлова

Ульяна Соболева

Звезда Рунета

Иная любовь… и любовь ли это? Я представляла себе её иначе. Когда-то. До встречи с тобой. До того, как сама прописала эту адскую одержимость в каждой строчке, в каждом слове. И поняла, что для нас с тобой она иная. Точнее, для тебя, а у меня не было выбора, потому что иначе ты не умеешь. Вернул меня. Ты знал всё изначально и ждал. Твой зверь ждал. Сейчас он мечется внутри тебя… голодный, злой, обезумевший от запаха вседозволенности, и хочет полосовать меня когтями, вспарывать плоть острыми клыками и пить из меня жизнь… за каждый день отсутствия – по глотку, за каждую минуту – агония ненависти, раздирающая обоих. Но если бы у любви не было названия, я дала бы ей твоё имя.

Ульяна Соболева, Вероника Орлова

Не люби меня

© У. Соболева, В. Орлова, текст

© ООО «Издательство АСТ»

1 глава

Быть счастливым – это, наверное, чувствовать, что ты живешь. Не знать, не понимать, а ощущать. Кожей, клетками тела, каждым вздохом. Ощущать его на языке со вкусом её поцелуев, под кончиками пальцев, ласкающих её скулы. Оно затаилось в глубине её глаз, там, где я видел отражение собственного взгляда.

– Почему любовь, Лия? – быстрым поцелуем в губы, не позволяя ответить, потому что тогда сорвусь, потеряю голову и наброшусь на неё, сминая такое отзывчивое тело в руках. А я хотел знать ответ. С ней я хотел узнать те вещи, о которых даже не задумывался до неё. – Почему смертные называют это состояние именно так? Ведь любовь – это не чувство… Это не одно чувство. В нём же тысячи, десятки тысяч оттенков, малыш, – прижал её к себе, заглядывая в глаза, падая в голубое небо её взгляда, – почему всего одним словом? Разве может оно передать всё то, что я чувствую к тебе?

– В любви есть ласка, есть нежность, есть забота, есть сумасшествие… – облизнула губы, шёпотом, – страсть…

– Боль, в ней бездна боли, малыш. Когда я смотрю на тебя, мне больно от одной мысли, что ты можешь принадлежать не мне, и я знаю, что всегда смогу причинить тебе боль, посмей только ты… – Стиснул её в объятиях, намеренно грубо. – Моя любовь до жестокости жадная, Лия. Я не отдам тебя никому.

– Если бы у любви не было названия, я бы дала ей твоё имя… – откинув голову назад, очертила тонкими пальцами мои губы.

И это признание сносит крышу, потому что моя девочка не лжёт. Она не умеет лгать мне. Искренняя. Настолько настоящая, что хочется вдыхать эту правду с ароматом её кожи. Искренность – слишком редкое качество среди разумных существ. Этот мир принадлежит тем, кто плетёт паутины обмана и интриг, вырисовывая узоры лицемерия и продажности.

Но только не Лия. Мой ночной цветок, чей запах навсегда въелся под кожу, обосновавшись в лёгких.

Губами пройтись по скуле, спускаясь к подбородку, жадно впитывая в себя её дыхание, сатанея, когда нежные пальчики впиваются в ткань рубашки.

– Нейл… – на выдохе, прямо в ухо, еле слышно… но с таким надрывом, что последние остатки разума покидают голову.

– Доигралась! – почти зло, потому что вижу смешинки в уголках глаз, потому что эта маленькая женщина управляет мной с такой лёгкостью и даже не догадывается об этом. Потому что это не она передо мной на коленях, это я у её маленьких стройных ног, я не в силах отказаться от неё, не в силах дышать без неё, думать, существовать. И самое страшное – я понимаю, что у неё это может пройти, а у меня нет, и это фатально для нас обоих.

Развернуть её к себе спиной, впечатывая в стол, наклоняя и задирая платье, чтобы войти одним движением, до упора наполнив собой, заставив прокричать моё имя. Чтобы после закрыть ей рот ладонью и вдалбливаться сзади, под её рваное дыхание и стоны. Грубо сминая грудь и оттягивая соски, вгрызаясь в затылок, оставляя на нём следы – свои автографы. Зная, и, дьявол, это знание было самым драгоценным в моей жизни, что она не будет скрывать ни один из них. Что она гордится каждым из этих трофеев.

Поймать затуманенный взгляд в зеркале напротив и поклясться самому себе, впервые, мать её, за тысячелетие, что она будет моей. Совсем тихо, одними губами. Но ведь самые важные вещи на свете мы произносим про себя и только себе.

А потом вдруг понять, что летишь с отвесной скалы со скоростью света вниз, в пропасть без дна. А вокруг – осколки того самого счастья острыми краями вспарывают твою кожу, и бездна с радостью пожирает капли твоей крови. Черный невозможно раскрасить, черный поглощает всё, потому что это цвет боли. Теперь я знал её горький вкус. Попробовал лично, она опалила мне внутренности, и я горел живьем в адском костре, нескончаемо.

* * *

– Это невозможно, мой император! – ладони сжались в кулаки. Слабость, которую я не успел предотвратить и которую Алерикс, несомненно, заметил.

– Почему? – вздёрнул бровь, склонив голову набок, всем своим видом показывая, что мои аргументы не имеют никакого значения, но он всё же выслушает их.

– Этот нихил – моя собственность! В её создание было вложено слишком много сил и средств, император. Но я готов отдать тебе других, не менее, а даже более ценных и необходимых на Континенте нихилов.

– Я могу оплатить тебе все расходы, понесённые некогда при её создании и обучении. Я не говорю о содержании, так как, – Алерикс пошло усмехнулся, – наслышан, что девчонка сама неплохо отрабатывает его.

Император вдруг резко встал с кресла и подошёл ко мне:

– А также я могу конфисковать всё твоё имущество и сослать тебя в Необитаемые земли. Сколько ты там продержишься, Нейл Мортифер? Без крови, без плоти, без эмоций? Чем ты будешь питаться? Своими чувствами к этой… – щёлкнул пальцами, подбирая слова, – смертной шлюхе?

– Я Мортифер, а не низший Деус, Алерикс. А это значит, что ты не посмеешь поступить со мной так же, как поступаешь с неугодными тебе.

Да, мать твою! Ты сам захотел открытого противостояния.

– Зачем тебе мой нихил, Алерикс? Она может немногим больше, чем десятки подобных ей.

– Ложь! – Император вдруг резко развернулся и прошёл к камину. Остановился, глядя на то, как играют языки пламени. – Будь она такой же, как все, ты бы не относился к ней, как к равной, Нейл. И я никогда, слышишь? – Алерикс вдруг просунул в огонь ладонь и повернулся в мою сторону, – я никогда не поверю, что ты, – кожа на руке начала обугливаться, сгорая, мерзкий запах распространился по кабинету, – смеешь возражать мне только из-за того, что она качественно сосёт твой член. Я знаю, что у тебя есть планы на неё, – я чувствовал адскую боль этого ублюдка, я инстинктивно впитывал её в себя, а он даже не морщился, – но её ХОЧУ Я! И ты уступишь мне её, Нейл. Или же… – Алерикс вынул руку, обгоревшую до кости, и пошевелил пальцами, злорадно улыбнувшись, – я не люблю рисковать, племянник. Я никому и никогда не

позволю иметь столь мощное оружие, как твоя подстилка. – Склонил голову набок и улыбнулся: – Наелся, Нейл? Таких первоклассных блюд не подадут ни в одном ресторане, ты же понимаешь это?

Понимаю, ублюдок! Как и то, зачем ты устроил этот грёбаный акт самосожжения. Как и то, что совсем немного, и я пошлю к черту все планы, которые вынашивал эти столетия, и вгрызусь в твое горло. И мне плевать на десяток твоих охранников за дверьми кабинета и на сотни приспешников по всему дворцу. Но мерзкая мысль о том, что моя смерть – это в первую очередь приговор Лие, не давала сорваться. Только сжимать и разжимать кулаки, ожидая дальнейших слов императора.

– Так вот запомни, мой трон достался мне слишком большой ценой, чтобы я обращал внимание на такие категории, как фамилия, знатность, родство или…собственное тело. Понимаешь меня, Нейл? – Широко улыбнулся и прищурился. – Да, понимаешь. Более того, не раз думал о подобном, так ведь? В твоих глазах ненависть, Нейл, и мне приятнее видеть её, чем деланое подобострастие остальных. Подобострастие, как сладкий десерт, хорошо только первые три ложки, дальше тебя начинает тошнить. Но ненависть… особенно ненависть достойного соперника, сродни острому перцу. Без него блюдо не перестает быть съедобным, но теряет свой изысканный вкус. – Алерикс крикнул слугу, приказав принести ему обед. – Итак, девчонка должна быть у меня через неделю. Я дам тебе право наслаждаться её роскошным телом ещё семь дней. Не теряй время даром, племянник.

* * *

И я не терял. Я брал её несколько раз в день. Жадно, жестоко, быстро и дико, долго и нежно. Я заставлял её кричать, и она срывала голос, терзал её пальцами, не проникая в тесную глубину, и она прокусывала губы до крови, умоляя взять её по-настоящему, трахнуть так, чтобы сыпались искры из глаз. Я набрасывался, как голодный зверь на свою жертву, стараясь насытиться её телом и голосом, тяжёлым дыханием и слезами болезненного удовольствия. Вот только ею нельзя было насладиться вдоволь, про запас. По двадцать часов в сутки. Только четыре часа на её сон. Столько позволяла моя алчность. А в эти четыре часа, пока она спала в моих объятиях, слушать её дыхание и думать…слышать, как крутятся шестерёнки в собственном мозгу, как со скрипом просчитываются все возможные варианты, зрительно прорисовывая схемы пути

отхода. Но все пути обрывались у подножия трона императора. Все, кроме одного, который был отброшен в самый дальний угол сознания, не как запасной, но как самый крайний. И, будь он проклят, этот путь оказался единственным возможным! Единственным, который не оканчивался её смертью или жалкой судьбой императорской шлюхи. Да, грёбаный ублюдок утверждал, что Лия интересует его лишь как сильный нихил. Но я, мать его, чувствовал, я видел блеск нескрываемой похоти в его глазах, когда он смотрел на неё. Дерзкое, ничем не прикрытое желание. И вечный вызов в глазах. Ну же, Мортифер, рискни! Я ведь хочу твою женщину! Он знал, что все остальные… все закончили свои жизни сразу после того, как позволили себе больше, чем просто взгляд на неё. Одно движение руки в сторону моей малышки, и наутро богатейшего Деуса Континента нашли обезглавленным и кастрированным. Как и многих других приближённых Алерикса. Это была наша с ним своеобразная игра. Он открывал мне доступ к их мыслям, и я слышал, как трещат мои собственные кости, глядя, словно в кино, на грязные фантазии этих ублюдков. Каждый из них после подобного проживал не более суток. Ровно столько, сколько мне нужно было, чтобы увезти свою девочку домой, уложить её спать и вернуться за ними, чтобы лишить головы и члена. Чтобы больше никогда не смели думать о ней и желать её.

Я давно перестал скрывать своё отношение к ней. С одной стороны, это было даже на руку. Пусть лучше считают это слабостью, принимая её лишь за мою любовницу, чем догадываются о той связи, что теперь соединяла нас. Изящная усмешка судьбы – маленький нихил не то что не растеряла свои способности после нашей первой ночи, а стала гораздо сильнее. Теперь ей достаточно было произнести моё имя мысленно, и я слышал её зов. Теперь я ощущал её эмоции на расстоянии. Не как Деус, а как связанный с ней мужчина. Легенда, в которую не верили даже дети, оказалась правдой. И именно это насторожило императора. У монархов не бывает друзей. Те единицы, что преданы им, поддерживают, как правило, не правителя, а режим. И до тех пор, пока этот режим и корона сулят им определённые блага, они останутся верны императору. И это не низко, и не подло. Это естественно. Ведь нет ничего более естественного, чем страх за свою шкуру, за свою территорию и потомство. Понятия чести и достоинства были придуманы теми, кто не мог отстоять свои права в бою. Настоящие же звери готовы драть кого угодно за то, что считают своим.

И я тоже был готов разорвать на части Алерикса и весь Единый континент только за попытку отобрать мою девочку. Император не просто хотел нихила. Он до трясучки хотел Лию как женщину. На одном из приёмов сукин сын попросту раскрыл мне свои мысли… глядя на Лию… показывал мне картинки, на которых

она ублажала его ртом… на которых он вновь и вновь подминал её под себя и драл на части… во всех смыслах этого выражения. С вызовом в глазах, понимая, что ему не грозит участь его сдохших придворных. Пока не грозит.

Именно поэтому я и предал свою девочку. Слушал, как она зовёт, как безмолвно кричит, и позволял жалким ублюдкам избивать её, унижая, причиняя страдания. Жестоко. Так, чтобы поверили все, что Нейлу Мортиферу наплевать на смертную. Стоял всего в нескольких метрах от нее, в другом помещении, и крошил стены, сдерживая рёв, вымещая ярость на мятежниках. Разодрал каждого из них на мелкие части, представляя, что это те, кто мучили Лию. Горстка низших, дни которых теперь были сочтены.

«Это же я. Твоя малышка. Твоя Лия. Вечно твоя». Моя девочка! Всегда моя! И сердце корчится от дикой боли, истекая кровью, перестав сокращаться. Оно извивается в дикой пляске, чтобы, разорвавшись, жалкими ошмётками упасть к её ногам. Оно беззвучно молит о прощении… Но Лия не видит и не слышит его предсмертного хрипа. Она захлёбывается в своей собственной агонии, не понимая, отказываясь верить в происходящее, до последнего не выдавая меня. Даже когда услышала о женитьбе… даже тогда не опустилась до предательства. Продолжала молча терпеть издевательства. Вот только её глаза больше не горели, они потухли вместе с надеждой, что я заберу её, что я им не позволю. А я не мог… Не мог ничего сделать, только смотреть и молить дьявола, чтобы император поверил в этот спектакль и отпустил её.

Но каждый удар отпечатался у меня внутри, каждый её крик стоит в ушах, каждый шрам внутри меня кровоточит. И нет наслаждения болью. Её боль порождает мою собственную, и она сильнее, она как голодное животное обгладывает мои нервы, мое самообладание.

Я не стал говорить с ней. Не стал рассказывать, что моя свадьба – это её билет в жизнь, что я попросту купил ей свободу и я готов был ради этого на всё, готов был не просто жениться, а обрюхатить с десяток подобных Селене только за обещание Алерикса более мягкого приговора.

Низшие так и не смогли взломать блок, поставленный мною. На это был способен только император, но Алериксу тогда было не до показаний обыкновенного нихила.

Незадолго до поимки Лии произошло сразу два масштабных бунта в разных концах Континента. Сразу две семьи заявили о своих притязаниях на трон, завуалировав истинные интересы массовым недовольством сокращающихся ресурсов и беспредела правящей фамилии. Впрочем, мятежи были довольно быстро подавлены. Мной. Нельзя было позволить заняться этим самому императору, иначе он бы понял, кто стоял за ними.

А потом её дикий страх. Впервые страх. Жуткий ужас и неприятие. Впервые она отказывается впустить меня в себя. Она просит, заклинает не стирать её воспоминаний, не понимая, что там, в душе, я уже давно стою на коленях перед ней в немом призыве простить за то, что собираюсь сделать. И её боль… Чёрным цунами по кончикам пальцев, по венам к сердцу, к сознанию. Так больно, что хочется выть вместе с ней, и кровь подступает к горлу, а я судорожно глотаю, чтобы не вырвало. Не показать свою слабость. Не показать, как захлёбывается в боли душа, как её корёжит от каждого крика девочки. Когда-нибудь они все заплатят за твои слёзы, Лия. Мы вместе призовём их к ответу. В тот день я убил нас обоих.

А потом проклятое время, растянувшиеся в десятилетия, в которых каждый день был похож на другой. Поддержка императора и новые земли, которыми мне предстояло управлять. Жена, которую я не видел годами. Селена Мантелла. Дочь самой влиятельной после Мортиферов фамилии. Кто-то считал её красивой, кто-то завидовал статусу и влиянию её отца, кто-то подсчитывал, сколько выиграли Мантелла на родстве с Мортиферами. Я же смотрел на её светлые волосы, точёную фигуру и думал о том, что именно благодаря свадьбе с ней Лия всё ещё жива. В другом мире. Возможно, с другим мужчиной… но жива, дышит, смеётся, мечтает.

Это была более чем веская причина периодически покрывать Селену в надежде, что она понесёт и мне не нужно будет больше трахать её. Мне не нужен был этот ребенок. Но он мог стать гарантом нашей связи с Мантелла – владельцем целой армии высококлассных контрактников на Континенте. Солдат, которые были преданы императору. Но преданы до тех пор, пока я служил ему. Несколько сотен тысяч душ в этом мире и десятки тысяч из других миров. Армия, которая обещала гибель всему Континенту, если он не сложит голову передо Мортиферами.

Но никто не знал, что каждый гребаный день я ее ждал, искал, выворачивал наизнанку эти проклятые миры, взывал к нашей связи, отдавая ей картинки, тысячи картинок. Она должна была их почувствовать. Должна! И она почувствовала. Спустя семнадцать лет. Первый раз, впустив меня в свой сон, а дальше по нарастающей. Я нашел, уловил сигнал и уже мог навести справки. Я узнал о ней все. Только одному дьяволу известно, как я выл от ревности, когда мне донесли о ее замужестве, как я рушил стены, убивал и жаждал смерти. Много смерти. Так много, чтобы, нажравшись чужой боли, не думать о ней, не представлять с другим, не разлагаться от бессильного яда ненависти, чтобы не желать убить ее. Найти и вырвать ей сердце, а потом сдохнуть и самому. Но это я сделал. Я отправил ее туда и винить могу только себя. Резать до крови, до кости собственные пальцы, чтобы с наслаждением пожирать и собственную боль, вспоминая, как ласкал ее тело этими руками.

Винить не в том, что стер ей память, а в том, что позволил себе слабость… Когда-то давно.

Я позволил себе полюбить её.

2 глава

Она отдалялась. После того вечера у императора Лия сделала ровно два шага назад в ответ на мой один вперёд. Избегала встреч, скрываясь в своей спальне. И дрожа в страхе от понимания, что никакие двери не могут удержать меня. Сидела на кровати часами, уставившись в одну точку, обхватив руками плечи и вздрагивая от каждого звука. Человек не бывает более беспомощным, чем тогда, когда рушится его понятие о реальности. Когда твой мир летит ко всем чертям, разбиваясь на части, и всё, что тебе казалось незыблемым и постоянным, разрушается и крошится на твоих глазах, то очень легко потерять себя среди тех ошмётков реальности, которая пока ещё теплится. И люди чаще всего выбирают полное отрицание произошедшего. Жизнь в иллюзии не так плоха, если даёт гарантию наступления завтра.

Но я и не приходил к Лие. Ей хватало ночных кошмаров. Переносить их в реальность пока было рано. Зато нужно было попытаться вытащить из того болота, в которое я окунул её когда-то. Вытащить самому, чтобы собственными

глазами увидеть, как она сделает свой первый вздох в этом мире. В своем мире. Почему-то мне казалось, что она перестала дышать, как только я вступил в портал. Не умерла. Но и не ожила. Словно я отобрал у нее дыхание. И не мог вернуть, потому что она не желала и не готова была принять от меня ничего.

Ещё накануне я приказал приготовить для неё одежду и теперь ждал внизу, бросая периодически взгляды на лестницу. Конечно, я почувствую её, как только она подойдет к двери своей комнаты. Но я хотел увидеть её взгляд. Её первый взгляд на меня после той оргии.

Я никогда и никого не боялся в этой жизни. Страх – это последняя эмоция, которую я мог испытывать. Инстинкт самосохранения, но не страх. Смерть пугает смертных. Бессмертным же любопытно, что их ждет за вратами ада, потому что даже костлявая с косой не одарит просто так своей жуткой лаской Деуса.

Сейчас я впервые испытал нечто, похожее на страх. Я хотел и одновременно боялся смотреть ей в глаза. Я боялся, что никогда не увижу в них свое отражение, как раньше. Я задыхался без её любви. Она была мне необходима в этом мире фальши. И как истинный эгоист я жаждал только одного – снова быть настолько любимым ею, чтобы даже воздух пропитался этим общим безумием. Как когда-то. Как раньше. Черт меня раздери, как же я скучал по НАМ. Подыхал от тоски.

* * *

Я не могла прийти в себя. Нет, я существовала, смотрела на эти стены, на этот дом, на себя в зеркало, и мне было страшно. Невыносимо страшно, что я потерялась. Осознание затяжного кошмара не заканчивалось, он окружал меня со всех сторон, впитался в меня и заставлял усомниться в собственном существовании. Я с ужасом ожидала, что он придет ко мне. Не знаю, как я могла любить это чудовище, этого монстра. Как я могла видеть его иным, почему мое проклятое сознание раскрасило его теми цветами, которых в нем не было совершенно. Там только черный, и он поглощает все вокруг, он подбирается ко мне чтобы сожрать, как гигантская паутина. Но все равно, где-то внутри я понимала, что часть меня все еще замирает от одной мысли о его прикосновениях. Словно я изнутри разделилась на две части и одна все еще не утратила веру, что там, в его мраке, я смогу найти то, что видела раньше, то, что

чувствовала. Если то, что говорит Нейл, правда, то я все же помнила его. Мое сознание… там сохранились какие-то обрывки чувств. Если только… От одной мысли я задохнулась – если только это не он отправлял мне картинки, которые искажало расстояние.

Несколько дней ко мне не приходили, только приносили еду, а сегодня служанка аккуратно разложила на столе мой гардероб и сказала, что Хозяин желает, чтобы я спустилась к нему вечером.

Я не рассмотрела вещи, отметила только, что платье белоснежное, как и туфли на каблуках, как и нижнее белье. Усмехнулась – черное в самый раз для этого места, где все напоминает огромный склеп, а белое как насмешка, как издевательство.

Словно заторможенная после тяжелых снотворных препаратов, переоделась и, расчесав волосы, даже не посмотрела в зеркало. Мне снова было страшно. Я не могла представить, зачем ему понадобилось меня увидеть. Но что-то внутри меня подсказывало – ничего хорошего мне это не сулит. Спустилась по лестнице, ощущая легкую слабость, и скорее почувствовала присутствие Нейла, а когда увидела… та проклятая часть меня, та самая наивная, идиотская часть, которая во что-то верила, вспорхнула вверх, выше, выше, вопреки доводам рассудка, наперекор мурашкам ужаса. Сердце забилось быстрее, дыхание участилось. На него невозможно смотреть и не почувствовать головокружение от этой красоты. От этой мрачной ослепительной идеальности… Глаза не хотят видеть мрак… они наслаждаются насыщенно-синей бездной, которая мгновенно поглотила меня в свой плен.

* * *

Красивая… Настолько красивая, что сводит скулы от желания схватить её в охапку, сжать руками тонкую талию, впечатывая её в себя. Жадно изучать руками тело под белой тканью, любуясь чёрным водопадом волос. Великолепный контраст молочной кожи и ярких голубых глаз с тёмными волосами. Она изменилась за эти годы, исчезло очарование юности, хрупкость форм, даже некая угловатость. Она стала женщиной, безумно красивой женщиной, а я оголодал за эти годы настолько, что меня заводил даже взмах её ресниц. Каждый мой нерв дрожал от напряжения и от внутренней борьбы, бешеного противостояния зверя с любящим ее мужчиной. Где каждый пытался выгрызть

свое…

И пусть там, в её взгляде, затаился страх, пусть тонкие пальцы судорожно сжимают маленькую ладонь… Даже сейчас она выглядела роскошнее и сексуальнее всех женщин этого грёбаного мира. Так бывает, когда ты находишь свою женщину. Чистый секс. Испуганный и соблазнительный.

Сегодня я одел её в белое. Я захотел подарить ей и себе кусочек света на пути в полный мрак. Только белый не всегда цвет непорочности. Особенно если его носит та, от присутствия которой захватывает дыхание и теряется контроль над собственными эмоциями.

– Здравствуй, Лия! Ослепительно выглядишь.

* * *

От его голоса по коже мурашки. И нет, это не страх. Он говорит со мной… иначе. Звук его голоса не сочетается с тем, что я видела. С теми зверствами, которые он намеренно мне показал. Но я знала, что и это обманчиво. В любую секунду его голос может измениться, и от одного звучания я опущусь на колени. Медленно выдохнула.

– Сегодня меня тоже ожидает представление, подобное прошлому разу?

– Очередная встреча с прошлым… – наклонил голову набок. – Тебе страшно, Лия?

– Да, мне страшно, – стараясь не смотреть в глаза, уже четко осознавая, что опасен даже его взгляд, – но ведь у меня нет права отказаться?

* * *

– У тебя никогда не было прав, Лия, – провёл пальцами по руке, спускаясь от локтя к запястью, сжимая ладонь. – Какие могут быть права у той, кого пока нет? – повёл её за собой к выходу. – Но у тебя есть я, малыш. А в этом мире это самое главное из всего, что у тебя может быть.

* * *

От прикосновения все тело разогрелось, словно там, где он прикасался, рассыпались искры. Но от его слов внутри поднялась волна протеста, я выдернула руку и невольно растерла то место, где касались его пальцы… оно продолжало гореть, и мне захотелось снять с себя кожу, чтобы не чувствовать это жжение.

– Зачем тебе все это? Просто скажи мне – ЗАЧЕМ? Я хочу понять… что ты такое?

Кто я для тебя? Почему я здесь? И как у меня можешь быть ты, если я не знаю тебя и не хочу узнавать?!

* * *

Схватил за руку, сжимая запястье, и потянул её к машине, стоявшей у входа.

Молча открыл дверь и помог сесть на заднее сиденье. Устроился рядом с ней и намеренно грубо вернул её ладонь в свою руку. Небольшое усилие, чтобы сорваться не на ней, и у водителя взрывается внутреннее ухо. Запах крови тут же забивается в ноздри, соблазняя и маня. Вижу, как она в недоумении смотрит, как вынесли водителя и его заменил новый. Сглотнула и отвернулась к окну. Насильно повернул к себе, удерживая за подбородок.

– Ты здесь, потому что мне так надо. Мне надо это, потому что я так хочу, – наклонился к её волосам, втягивая в себя их аромат. Когда-нибудь я перестану так реагировать на всё, что связано с ней? – Ты никогда не значила ничего, и в то же время только ты имеешь значение для меня. – Очертил пальцами поджатые губы, невольно усмехнулся, когда она дёрнула головой в сторону, стараясь избежать прикосновения. Дьявол, я словно пытаюсь поймать в руки солнечный блик, сжимаю его пальцами, а он ускользает, проходит сквозь них. Как надолго хватит моего терпения, как долго я смогу сдерживать зверя? Я могу сорваться уже на ней, а она даже не понимает этого.

– Задавай вопросы обдуманно, Лия. Мне в любой момент может надоесть отвечать на них. И настанет мой черёд требовать ответов.

* * *

Сжал мою ладонь не сильно, но требовательно, и я почувствовала, как ускоряется бег крови по венам. Сжимаю пальцы так, чтоб не переплетать с его пальцами. И понимаю, что это… Необъяснимо, но мне да, хотелось сплести их. Инстинктивно. Как-то неподвластно разуму. Словно это уже было когда-то. Наверное, так же можно склонить голову на плечо или провести пальцами по щеке. Импульс. Быстрее, чем успела подумать. Неужели когда-то я ТАК прикасалась к нему?

«Ты никогда не значила ничего, и в то же время только ты имеешь значение для меня». Разве он может такое сказать? Разве я могу иметь для него значение?

Склонился к моим волосам, шумно втягивая запах, и уже сердце бьется не в груди, а в горле, и от ощущения опасности дрожат колени. Дотронулся пальцами до моих губ, и я дернула головой. Потому что даже губы приоткрылись в примитивном порыве захватить его палец. Господи! Что со мной происходит?! Я не должна смешивать желаемое и действительное. Потому что в этой реальности нет ничего из той, что я себе представляла, и Нейл явно дает мне понять, что я зачем-то ему нужна. И эта игра слов… Он играет со мной. Намеренно заставляя расслабиться. Прикосновения лапы хищника очень нежные. Перед тем как он выпустит когти и разорвет жертву на части, он очень долго может мягко ее трогать, почти любовно, предвкушая кровавую трапезу.

– Каких ответов? Что ты хочешь знать обо мне? Ты и так все знаешь. Слишком много, чем я хотела бы сама.

Отважилась посмотреть ему в глаза.

– Куда мы едем?

* * *

Усмехнулся:

– А что тебе даст название места, Лия? Что ты помнишь об этом мире? – Опустил взгляд на пухлые губы и почувствовал, как болезненно прострелило в паху.

Бешеным желанием, отозвавшимся диким бегом сердца, шумом в висках от её близости. На расстоянии наших сплетённых рук. Но так далеко от меня. Чёрт побери, пока слишком далеко!

Жадным поцелуем впиться в губы, сатанея от её запаха, от жара упругого тела, от сбившегося хаотичного дыхания, от аромата крови, не перестававшего дразнить и вызывавшего из глубин самые тёмные желания. Отстранился от неё усилием воли, прикусив с внутренней стороны щеку, успокаивая себя, не позволяя сорваться.

– Мы едем в прошлое, Лия. В прошлое, которое совсем скоро станет твоим будущим.

* * *

Посмотрел на мои губы. Откровенно. Слишком откровенно. Когда в одном взгляде отразилось все, о чем он думал, и я была уверена, что он и не думал скрывать от меня тот голод, который блеснул в его глазах. Не просто желание, а настоящую жажду. Заразительно порочную, неприкрытую жажду. Внизу живота все скрутилось в узел, мне стало жарко, несмотря на прохладу. А он продолжал смотреть. Не мимолетным взглядом, а долгим. Так, что я нервно сглотнула, и чувствительную кожу начало покалывать от желания почувствовать эти губы на своих губах. Только не поддаться искушению, ведь именно этого он и добивается.

– Мы едем в прошлое, Лия. В прошлое, которое совсем скоро станет твоим будущим.

Прозвучало зловеще. Постепенно снова становилось страшно. Необратимость. Я почувствовала ее каждой клеткой своего тела.

* * *

Мы были здесь сотни раз. Наш мир. Наше место. Яркое, радужное, слишком цветное для такого, как я. Вы ошибаетесь, если думаете, что летучие мыши или кроты поблагодарят вас за возможность увидеть солнце. Создания тьмы,

привыкшие к вечному мраку, их скорее ослепит яркий свет, озаряющий всё вокруг. Я был сродни таким тварям, предпочитавшим существовать в знакомой до боли мгле, ощущая на коже не тёплые лучи, а безопасный холод.

Я понял это, когда впервые самостоятельно пересек грани миров и попал сюда, уже без неё. Оказывается, можно почувствовать самую настоящую боль, только глядя на вакханалию живого цвета вокруг. Он слепит глаза, забивается в поры на коже, раздражая её, вызывая неуёмное желание унять зуд от прикосновения сочных красок. Так бывает всегда, когда я с ней. Она разукрашивала меня изнутри и приглушала яростные оттенки окружающих миров.

И сейчас… сейчас я вновь жадно вдыхал воздух, насыщенный тысячами сладких цветочных ароматов. С ней даже сахар не мог быть приторным.

Лия изумленно разглядывала буйно растущие кусты, широко отрытыми глазами впитывая в себя их яркость, которой и в помине не было в нашей вселенной.

В платье белого цвета, единственного оттенка, которого не было в этом саду. А я молча наблюдал, выжидая, сжимая кулаки, не притрагиваясь к ней, хотя сводило зубы от желания наброситься на её губы. Как когда-то давно. Именно здесь. Это срывает планки – иметь на нее все права и в то же время не иметь права прикоснуться. Потому что мне нужно, чтобы она сама хотела моих прикосновений. Без этого ничего не имело смысла. МЫ больше не имели смысла.

Ну же, маленькая! Вспомни! Хотя бы что-нибудь! Прошу!

* * *

Внутри меня появилось странное чувство, мне было трудно в него поверить. Мне оно казалось неестественным после того, что я увидела недавно, но синева его глаз… она посветлела, она походила сейчас на самое пронзительное зимнее небо, без единого облака, и где-то там… в космосе, в той самой бездне я видела отчаяние, и оно передалось мне. Как отражением. Словно там, на дне его глаз, обратная сторона зеркала. То самое, что могу видеть только я.

Или это снова игра… Стало не по себе, стало больно. Внутри. Тысячи лезвий вспарывают мозг, и я чувствую, как я начинаю кровоточить. Мне больно.

– Это не мое прошлое. Здесь очень красиво…здесь волшебно, но это не мое прошлое. – Пусть уведет меня отсюда. Именно такую боль я почувствовала когда-то, когда Стеф купил мне белые розы. Именно вот это чувство безысходности и непонятной боли. Вселенской тоски.

Отвела взгляд, прикоснулась к диковинному цветку. Потом посмотрела на Нейла.

– Здесь очень красиво. Эти цветы, они невероятно прекрасны, и они цветут, тянутся к солнцу. Если вырвать их и перенести в твой мир – они завянут, превратятся в тлен, как и те розы… Я чувствую себя таким цветком. Ты отнял мое прошлое, когда забрал меня оттуда, где я была счастлива. Ты навязываешь мне то, что я не хочу принимать.

* * *

Разочарование… Самое сильное чувство, которое можно испытать, глядя на любимую. Не ревность…Не ярость… Не ненависть… Они всё ещё дают надежду. Призрачную надежду на что угодно. На примирение, на прощение, на любовь, на правду…Разочарование едким ядом, серной кислотой растворяет в себе надежду и все чувства, оставляя горькое послевкусие ничего. После него остаётся только ничего. И это ничего превращается в затягивающую пустоту, в чёрную дыру в груди. Но я из последних сил хватаюсь за острые, как лезвия ножей, края этой пустоты, встряхивая её, жадно вглядываясь в её лицо. Я ищу во взгляде нечто, что наполнит пустоту в душе смыслом.

– Ну же, малыш… Посмотри… Вдохни… Увидь, Лия! – прижавшись к губам своими, жадно отдавая свое дыхание и вбирая в себя глоток её воздуха… потому что слишком больно от ощущения затягивающей бездны в груди.

Отстранился от неё, продолжая выискивать хотя бы толику, хотя бы сотую, тысячную часть нашего прошлого.

* * *

Боль разрастается, она постепенно отвоевывает меня по кускам, по рваным осколкам, и я хочу, чтобы она прекратилась. Чтобы мне не было ТАК больно. И самое страшное – я не понимаю почему.

Нейл схватил меня за плечи и встряхнул, и еще, и еще, это отчаяние, оно затягивает и меня. Пугает, сводит с ума. Я не хочу его принимать. Я не знаю, ЧТО ЭТО ТАКОЕ. Жадно набрасывается на мой рот, а я понимаю, что не верю ему. Ни единому его слову, не верю даже в его существование, не верю ни во что. Мне страшно стать одной из тех, у его ног. Страшно стать НИКЕМ. Страшно поверить, что мое прошлое – вовсе не прошлое, а некая фальшивая картинка, подделка, эскиз. С силой уперлась ему в грудь руками, отворачиваясь, избегая поцелуя. Избегая того мощного оружия, которое он уже показал мне в действии. Умение управлять моим телом. Я не дам ему управлять моей душой. И даже если он дьявол, я свою душу не продавала. Оттолкнула, задыхаясь, все еще чувствуя, как боль поглощает меня изнутри, живет отдельной жизнью, словно она его союзник и они вдвоем хотят меня разорвать на части.

– Не прикасайся ко мне. Я не хочу быть никем. Не хочу быть твоим НИКЕМ и никогда не стану.

* * *

И снова злость… Снова злость, когда я с ней. Она приходит вместе с дикой болью. И пусть от этой боли сворачиваются все внутренности, пусть от неё застывает в венах горящая лава крови, я приветствую её с садистским удовольствием. Потому что боль – это не ничто. Это не пустота. Это не дыра в теле… в душе. Боль приводит в чувство похлеще и намного быстрее любых других эмоций. Самая тёмная из них, она стирает все краски вокруг, погружая весь мир в унылые оттенки серой безысходности.

Долбаное дежавю взламывает память, заставляя сжимать кулаки в бессильной ярости, вызывая желание, дикое, неуправляемое желание причинить и ей те же страдания. Увидеть, как наполняется муками её взгляд.

И уже через мгновение мы оказываемся в мрачных стенах тренировочного центра.

– Ты и есть НИКТО, Лия. МОЯ НИКТО! – сжимая предплечье, впиваясь пальцами в кожу, оставляя синяки. – Даже это имя МОЁ! Смирись с этим, пока я не отнял у тебя то единственное, что пока принадлежит тебе!

Склонился к её лицу и прошептал, сдерживая рычание, рвавшееся из груди:

– Твои грёбаные воспоминания о «счастливой», мать твою, жизни!

3 глава

– Никогда не говори никогда, малыш. Даже бессмертным не дано заглянуть за ширму вечности. Кто знает, что находится там, на границе эпох?

Её тихий смех и открытый взгляд, мягкая улыбка очертила губы:

– Есть вещи, не подвластные смене времен, Нейл. Как моя любовь… – указательным пальцем по моим губам, и я прикусываю его зубами, – к тебе.

Смешно. Мне так смешно и в то же время грустно. Ведь я понимаю, что это лишь мечты моей маленькой девочки, достаточно наивной, чтобы верить во что-то вечное. И я мог бы рассказать ей, что она ошибается, что ничто по-настоящему доброе и светлое не может существовать постоянно. Иначе оно перестанет быть таковым. Оно превратится в обыденность… Но она настолько уверена в своей иллюзии, что я предпочитаю не разбивать её хрупкие представления, а встать прямо перед ней, защищая от любого ветра, способного лёгким порывом унести в никуда тонкую вуаль её выдуманной реальности. И я просто прислоняюсь своим лбом к её лбу и шепчу одними губами, зная, что она слышит:

– Я готов отдать за это своё бессмертие, Лия. – Произнёс и понял, насколько эти слова правдивы.

– Разве я когда-нибудь лгала тебе, Нейл? – серьёзно и тихо. – Я люблю тебя.

– Я буду любить тебя вечно…

– Скажи, что это не ложь высшего Деуса. – Мимолётная улыбка на губах, но в глазах… в глазах ярким пламенем затаённая надежда. И я не говорю, а показываю, доказываю раз за разом истинность моих слов.

* * *

А ведь самое смешное, что солгала она! Именно эти её слова, произнесённые семнадцать лет назад, оказались обманом. Любовь не проходит. Никогда. Ей некуда идти. Ей незачем уходить. Любовь – паразит, самый настоящий. Она навязывает вам симбиоз, даже не спрашивая вашего разрешения. Никакого права выбора. Вы получаете эмоции, она высасывает вашу энергию. Энергию, которую дают вам эти самые эмоции. Поэтому если вам уже невкусно, пресно, неинтересно и горчит на языке, то это была не она. Что угодно, но не любовь.

Её «вечная» любовь не продержалась и двадцати лет. Она исчезла из её глаз, испарилась, оставив после себя сизый дым страха на дне глаз. Страха и недоверия. Что может быть хуже для мужчины, чем недоверие ЕГО женщины? Недоверие сродни презрению. Сродни сомнению в состоятельности его как мужчины! Особенно если он искренен, как никогда за всю свою гребаную вечность.

* * *

– Вы говорили о ресурсах… – нерешительно прикусила губу, подбирая слова, но не отводя взгляда. Знает, что ступила на зыбкую почву. Усмехнулся ей в ответ. Можно подумать, мы с императором не поняли того, что нас подслушивают.

– Не всё из того, что ты услышишь, малыш, стоит озвучивать…

– Но что будет дальше, Нейл? Когда смертных станет не хватать вам? – отвела взгляд. Глупая. Сама придумала за меня ответы. Ответы, которые её не устраивали однозначно. Нервничала, пока ждала меня. И если я задерживался, то в её голове уже вспыхивала целая мысленная война между нами с

неопровержимыми, на её взгляд, аргументами. Лия часто так делала. Поначалу. Потом со временем она научилась распознавать и предугадывать мою реакцию на тот или иной вопрос.

– Ты знаешь, малыш, с некоторых пор я понял, что люблю свою жизнь. – Притянул её к себе, обнимая сзади и вдыхая запах её волос. – С тобой, Лия, я хочу жить. С тобой! – поднимая руки к её груди, сжимая мгновенно затвердевшие соски. – И ради этого я готов сдохнуть, но не допустить подобного. – Прикусил мочку уха, улыбнувшись тихому стону, сорвавшемуся с её губ. – А моя маленькая девочка поможет мне… так ведь?

– Дааааа… – на выдохе… в мои губы, запрокинув голову.

Чёртовы воспоминания посещают каждый раз, когда думаю о ней. Постоянно. Это уже вошло в привычку – разговаривать с императором и тщательно скрывать свои мысли, потому что в них господствует она. Пытать очередного ублюдка и слышать, как с его губ срываются её крики… тогда… Семнадцать лет назад.

Стоять под окнами её спальни и жадно наблюдать за ней по ту сторону стекла. Сжимая пальцы в кулаки, распарывая ладони до крови, стискивая челюсти до боли. Как подросток, как мальчишка, изнывающий от желания, от навязчивого, бешеного желания получить ее. До боли в паху, до постоянного адского стояка и отчаянной ярости на себя за полную потерю контроля. Такое хрупкое с виду стекло, оно отделяло нас, словно гранитная стена. Лия озирается в испуге в тёмной комнате, понимая, что я где-то рядом. Она сама ещё не осознает, насколько тонко чувствует моё присутствие. На уровне инстинктов. Правда, пока скорее как жертва, которая чует опасного хищника, спрятавшегося в кустах и преследующего её темной тенью. Зверя, который изнывает от мрачного желания взять свою добычу. Но раньше… раньше это было так же естественно, как дышать. Ощущать друг друга на расстоянии. И не просто присутствие, но и эмоции, слышать мысли, врываться в них без стеснения, заставляя её краснеть. На тренировках ли, перед Клэр ли, на приёмах ли.

– Малыш, мне не нравится, что этот ублюдок стоит так близко к тебе…

– Нейл, он мой тренер. Посмотри направо. Там находится его любовник.

– Лия… Мне НЕ НРАВИТСЯ, что этот ублюдок стоит так близко к тебе!

– А мне не нравится эта женщина, которая плотоядно облизывается сейчас на тебя.

– Малыш, ты напросилась…

– Я отошла… Неееейл… я отошла! – почти крик. В моих мыслях. Тщетные попытки закрыть от меня сознание.

– Поздно, любимая…

И уже через несколько минут заставить заливаться румянцем нежное лицо, дрожать от желания тело, прикусывать пухлые губы. Потому что я имел её там. В полном зале. В присутствии сотен гостей. Но всё же только в её сознании. Достаточно, чтобы она почувствовала всё физически. Врывался в неё, задрав платье, заставляя стонать… тоже мысленно, потому что моя девочка знает – каждый её вздох, каждый её стон принадлежат мне. И я не готов делиться своим ни с кем. Именно поэтому жалкий низший резко слепнет до тех пор, пока я не отстраняюсь от неё, оставляя изнывать без кульминации.

– Нейл… пожалуйста… позволь, – голос почти срывается.

– Это наказание, малыш. Оно не всегда должно приносить удовольствие.

Холодным тоном, но подыхая от желания послать на хрен всех и каждого и оттащить её в верхние комнаты, чтобы там уже слушать её настоящие крики, ощущать жар упругого тела, утопая в море её любви.

Снова непрошеное воспоминание, и я остервенело отбрасываю его в сторону, потому что больно каждый раз. Больно понимать, что потерял то, что казалось незыблемым и естественным. Вечным. Но ведь вечного не существует…

Грёбаный эксперимент по возвращению ей памяти провалился ко всем чертям. Надежда рассыпалась в прах чёрным пеплом, марая яркие краски когда-то нашего с Лией собственного мира. И теперь здесь воняло, как после пожарища. Тут и был самый настоящий пожар. Сгорало наше прошлое, а я не мог ничего сделать, чтобы потушить огонь. Только задыхаться от едкого дыма, забивавшегося в ноздри, в глотку, заставившего согнуться напополам и хрипеть в попытках выхаркать угарный газ вместе с кишками.

Потом возвращение домой и долгие минуты стоять под её дверью. Не решаясь войти. Я, мать вашу, не решался войти! К ней! Впервые за свою долбаную вечность я так колебался! Снова впервые с ней. Я просто жаждал, чтобы она позвала меня. Пусть не голосом. Хотя бы взглядом, жестом. Намек. Ничтожный, едва ощутимый, но дающий мне право выбить к чертям все двери и окна, все гранитные стены… Только позови меня.

А после началось то, что заставило поверить, что ад – это не выдумки глупых смертных. Ад можно почувствовать и с колотящимся сердцем в груди. Вдыхать воздух и выдыхать угар, ощущать, как начинает плавиться кожа, а языки пламени слизывают мясо и добираются до самых костей.

Лия не просто не подпускает меня к себе. Она не просто боится или не доверяет. Она стала чужой. Отстранилась, забыла, разлюбила? Значит, всё же все эти годы я ошибался? Сколько живёт первая любовь у смертного? А у Деуса? А сколько суждено продлиться любви мужчины? А если она не просто первая, а единственная? Если его любовь, способность иметь чувства – это аномалия? Необъяснимая болезнь, единственная слабость одного из самых сильнейших существ Континента.

Эти вопросы вихрем проносились в голове, день за днём, каждый раз наталкивая на мысли, что любой мой шаг будет воспринят в штыки. Она не слышит моих слов, в её ушах до сих пор крики жертв, которых мы раздирали во дворце. Она не видит моих поступков, ей не нужны мои подарки, перед её глазами до сих пор реки крови и трупы женщин в моих объятиях. Лия, если бы ты знала, что раньше ты видела куда больше…

Как резко перестраиваются понятия в наших головах, стоит лишь поменять окружение и прожить в нем достаточно долго, чтобы впитать в себя основные

постулаты этого общества. Той девочки, которую я знал, которую полюбил, безумно, одержимо, до мозга костей, больше не было. Была женщина. Сильная, сексуальная, умная, независимая… Будь она проклята, не зависимая от меня! И это злило. Это выводило разум за грани дозволенного. Того дозволенного, что я определил для себя в отношении неё.

Чёрт бы её побрал! Она была единственной, в отношении с кем я ставил какие бы то ни было границы. Думал ли я о том, насколько она поменяется, стирая ей память? Глядя, как она извивается в адских муках, умоляя, надрывно вымаливая сохранить ей воспоминания? Конечно, думал. Представлял ли, что полюбит, мать её, другого?! Представлял! О, это я представлял себе с изощрённым мазохистским удовольствием. Рисовал себе картины одну хлеще другой, запивая их жизнями десятков смертных, детей, женщин. Много женщин, которым я мстил за ЕЁ возможные измены.

Но, блядь! Каждый раз, когда ставил на одну чашу весов её жизнь, а на другую всё остальное… Первая оказывалась тяжелее. Да, злая усмешка судьбы, каждый раз понимание того, что она где-то жива и дышит, оказывалось сильнее любых других эмоций.

И всё ради того, чтобы стать монстром в её глазах, чтобы видеть там что угодно, но не любовь, не доверие, не уважение, которые были там когда-то. И пусть я действительно один из самых страшных монстров Континента, если не самый жуткий, но Лия Милантэ была единственной, кто не боялся меня.

Я выбирал для неё самые дорогие подарки, привозил из разных миров, настолько яркие и нежные, отличавшиеся от вещей нашей реальности… А она она все их складывала в углу комнаты, боясь притронуться к ним. Иногда я видел, как она медленно подходила к этому месту, протягивала руку и тут же одёргивала ей назад, боясь прикоснуться, словно действительно всё ещё считая, что спит, что всё происходящее – не более чем кошмар. И стоит только дотронуться и понять, что какие-либо вещи реальны, то и сам этот жуткий сон плавно перетечёт в действительность.

Стэф! Я ненавидел это имя. Оно взрывало мне мозг. Оно заставляло выть от боли, круша собственную спальню, разбивая до крови кулаки о стены. Оно стало моим личным кодом мести. Когда-нибудь я доберусь до этого смертного ублюдка, не просто укравшего моё, но и поселившегося настолько прочно в её мыслях.

Когда-нибудь совсем скоро. Когда отпадет надобность охранять её от цепных псов императора, которых он засылал ко мне под видом начальников тех или иных служб. Одного из своих подданных Алерикс очень вовремя «подарил» мне в услужение. Домой, где тот мог следить за нами.

Очередной ход правителя, который не мог не понимать, что я верну ему все долги. Пусть не сейчас. Пусть намного позже. Но к тому времени их накопится достаточно для того, чтобы гордый Алерикс Мортифер молил о пощаде. За всё, к чему приложил свою когтистую лапу. За семью, которую вырезали, словно скот. За трон, который цинично отобрал у меня. За любовь, которой лишил. За жену, которую навязал.

Жена, от которой до зубовного скрежета хотелось избавиться. Но нельзя, мать вашу! Нельзя! Особенно сейчас, когда она ждала ребенка. Будущего наследника земель Мантелла и Мортиферов. Сына, я уже знал его пол, которого я не хотел и не воспринимал как своего. Нет, в том, что это был мой ребенок, не было сомнений. Но это не имело значения. Мужчины принимают только тех детей, чьих матерей они когда-то любили. В моём же случае этот плод в ней всего лишь был частью женщины, которую я ненавидел. Ненавидел всей душой за то, что заняла ЕЁ место. За то, что посмела быть настолько хорошей, что иногда сводило скулы. Да, блядь! Меня тошнило от её отношения, от того, с какой радостной улыбкой она встречала меня. Прикасалась ко мне, а меня передергивало от одной мысли, что это могла бы быть Лия. Нет, не на месте моей жены. Нихилу никогда не стоять так высоко рядом с Деусом. И этот союз не позволил бы мне совершить то, к чему я упорно готовился несколько столетий. Но она могла быть моей парой. Официальной парой, связанной со мной. Парой, которую бы уважали. Уважали хотя бы из страха однажды сдохнуть только за неосторожное слово, брошенное в адрес женщины Нейла Мортифера.

И я срывался. Приходил в ярость от её отчуждения, от её недоверия и страха. Я пропадал сутками в самых дорогих борделях, кутил ночи напролёт с Алериксом и другими «друзьями», чтобы только не возвращаться ни в один из своих домов. Ни в тот, в котором меня ждала нелюбимая, ни в тот, в котором меня совершенно не ждали. Даже больше – где молили Бога, чтобы я не приезжал как можно дольше и оставил её в покое. Только за это мне хотелось убивать.

* * *

Нейл не приходил ко мне больше, но я чувствовала его присутствие всегда. Иногда до абсурда необъяснимо: я подходила к окну, и в этот момент его машина въезжала на территорию особняка. Ждала ли я его? Не знаю. У меня нет ответа на этот вопрос. Какая-то часть меня ждала, а какая-то смертельно боялась присутствия. Это не тот страх, который перед ним испытывали слуги и все, кто его окружал. Меня мучил страх, что я сдамся. Что я не смогу противостоять, что война закончится моим унизительным поражением. А я воевала с ним, воевала не на жизнь, а на смерть, потому что не верила ему. Я отказывалась принять то, что Нейл навязывал мне. Потому что это означало мое полное рабство и признание себя НИКЕМ. Но я не никто. Я – Лия Милантэ. У меня есть мое прошлое, моя жизнь, и я, черт возьми, хочу в нее обратно. Потому что сны не должны сбываться, они должны оставаться снами, а не становиться ужасающей реальностью, способной взорвать мозг и свести с ума.

Он дарил мне подарки. Самые разные вещицы, сувениры, предметы личного туалета и драгоценности. Диковинные, изумительные по своей красоте. К каждому платью – новый комплект украшений, каждый день – новая безделушка дороже предыдущей. Кольца, браслеты, серьги, подвески… Дорогие наряды и нижнее белье. И чем больше дарил, тем больше я отдалялась, замыкалась в себе. Я не притронулась ни к одному подарку, я складывала их в коробку и не подходила к ним. Не потому, что мне не нравилось – мне казалось, что если приму – стану зависеть от него. Хотя я и так зависела, но оставалась иллюзия свободы. Это неписаный закон: если принимать подарки от мужчины, то рано или поздно за них придется расплачиваться. Только с Нейлом расплачиваться придется далеко не только телом, а душой и, возможно, даже жизнью. Он не приносил их сам, не отдавал в руки, просто их оставляли в моей комнате вместе с одеждой. На столе или прикроватной тумбочке. Я даже не могла назвать это подарком, скорее его очередное заявление своих прав на меня. Прав, которые я не хотела признавать.

Я знала, что иногда по ночам он стоит под моими окнами и смотрит… Насколько его хватит, насколько долго мое безмолвное «нет» будет сдерживать его привычное и высокомерное «да»? В какой момент закончится игра в изощренное соблазнение и он просто возьмет то, что считает своим? Что тогда останется от меня? По каким пазлам, рваным и окровавленным, я снова соберу свое отражение в зеркале после того, как надоем ему? Во мне не было иллюзий. Я увидела достаточно много, чтобы понимать, кто такой Нейл Мортифер и что могут значить женщины в его жизни. В какую из ночей меня вынесут на задний двор… Точнее – мое тело. Я далеко не девочка, чтобы заблуждаться на свой счет и считать, что Нейл может быть увлечен мною.

Такие не умеют любить. Если он вообще понимает смысл этого слова. Он просто хочет получить меня и использует для этого все способы и методы.

Но больше всего я боялась его близости, потому что он волновал меня. Потому что сводил с ума только звуком своего голоса, взглядом, запахом, бешеной харизмой и животной сексуальностью. Чистый секс. Без примеси чего-либо. Голый порок в изумительной оболочке, которая лишь распаляет сумасшествие. И я знала, что он меня хочет, я видела это в его глазах. Неприкрытый голод. Звериный и страшный, но в тоже время вызывающий ответную реакцию. Невероятно сильную, безумную. Словно тело всегда жило отдельно от моего разума.

Я и на десятую долю не приблизилась в своем воображении к нему настоящему. Как бледный эскиз по сравнению с сочной картиной. В нем искушало все: взмах ресниц, тяжелый взгляд, которым он сдирал не только одежду, а мог отыметь в самом полном смысле этого слова. Его волосы, скулы и щетина на них, чувственные губы с полной нижней и всегда чуть подрагивающей верхней, великолепное тело и повадки опасного, умного и хитрого хищника. Только его глаза – это уже космос. Бескрайняя бездна без звезд, зачем там нужна хоть одна звезда, если он сам целая вселенная любых сумасшедших фантазий и эротического соблазна. И ты смотришь в синеву, ни на секунду не сомневаясь, что он знает, как удовлетворить самое дикое желание, самую изощренную фантазию, лишь потому что его собственные в сравнении с твоими просто вакханалия порока, самых ее глубин, самого дна разврата. Он познал все. С возрастом женщина может это прочесть в мужских глазах. Нет ничего, что Нейл бы не пробовал, опыт оставляет печать, невидимую, но читабельную для женщин. В отличие от меня у него есть миллиарды способов свести с ума и привязать к себе, как собачку, как животное, зависимое от воли хозяина. И я не сомневалась, что он использует каждый из них, чтобы пройти этот уровень сложности со мной.

Единственное, чего я не понимала – почему все еще остаюсь для него сложностью. Ведь мы оба знаем, что он может заставить. Что мешает хозяину сломать вещь и использовать её?

У меня не было ответов.

Я могла сколько угодно притворяться и пытаться его ненавидеть, но отрицать, что между нами есть какая-то связь и общее прошлое, бесполезно. Я это чувствую и сама, на физическом уровне.

Мое тело словно помнило все его прикосновения и взгляды. Подсознание, те мрачные уголки моего мозга, которые он раздражал своим голосом, взглядом до невыносимости. Наверное, так реагирует наркоман, который был в ремиссии долгие годы, на дозу, оказавшуюся прямо у него под носом. Он не хочет впадать в зависимость, но он помнит кайф…помнит наслаждение от запретного яда, и это сильнее его самого. Сильнее доводов рассудка. И если я признаю зависимость – это конец. Это моя точка невозврата. Если все, что Нейл говорит, правда, то мы были любовниками. Как долго? Что он значил для меня? Я любила его?

С ужасом понимаю, что скорей всего да. Если есть это наше совместное прошлое, то да, я могла его любить, и это многое объясняет. Только почему и как тогда я оказалась в нашем мире? Он отпустил меня? Боже, сколько вопросов и ни одного ответа. И я никогда не осмелюсь с этими вопросами прийти к нему. Но в том, что мое влечение было мощным, я уже не сомневалась. Оно осталось. Вот эта мучительная тяга к зверю. Неуправляемая и совершенно не зависящая от моих решений. Это пугало больше всего. Слишком много власти имеет надо мной. Нейл меня знает. А я его нет. Я знаю лишь тот образ, который придумала сама, и он похож. Да, дьявольски похож. Внешне, разговором, характером, но это все же не он. Во что он хочет чтобы я поверила? В его чувства ко мне?

Иногда по ночам, когда мне снились кошмары, я чувствовала, как кто-то прижимает меня к себе, перебирает мои волосы, шепчет…

«Тшшш… малыш… это сон… я рядом…»

А когда открывала глаза – никого нет. Одна, испуганная и заплаканная. Неужели мне снятся сны во сне? Неужели какая-то часть меня хочет, чтобы он приходил ко мне по ночам? Как там… как в моих книгах, где он был иным, где монстр был способен любить меня и любил. И я… я любила того Нейла, которого придумала для себя.

Только в комнате все же витает его запах, незримое присутствие повсюду, везде… И мне иногда кажется, что он во мне… Трогает изнутри кончиками пальцев, чтобы потом сжать когтями и разодрать…тоже изнутри.

Я решилась узнать больше. Меня непреодолимо тянуло раскопать хоть что-то, хоть какой-то намек на то, что Нейл лжет. Впрочем, мне бы это ничего не дало, кроме разве что сил воевать с ним дальше.

В один из дней, когда он отсутствовал, я вошла в его комнату. Впервые. Прислонилась к двери и с бешено бьющимся сердцем обвела ее взглядом. Красиво. Очень. Большая кровать, зеркала, тяжелые портьеры. Все в мрачном готическом стиле. Какая-то часть меня эстетически наслаждалась увиденным. Мне нравилось здесь. Даже казалось, что я бы сама могла обставить эту спальню именно так.

От взгляда на шелковые черные простыни и покрывала щеки вспыхнули. Если я была его любовницей, то я, возможно, спала с ним в этой постели? Он позволял мне спать с ним? Я лежала на его груди, склонив голову? Или он отправлял меня к чертям после секса? Скорее второе, чем первое. Боже, если это и было, то прошло слишком много лет. Что ему нужно от меня сейчас?

«Твою душу, Лия. Чтобы разодрать ее на кусочки и обглодать каждый из них изощренно и жадно, а потом выкинуть объедки».

Подошла к комоду и выдвинула ящик. Стерильно чисто. Только одна коробка в углу.

Словно отсюда все вышвырнули и оставили либо самое ценное, либо необходимое.

Протянула руку и тут же одернула, потому что услышала, как на территорию особняка въехала машина. Подбежала к окну и вздрогнула – фургон. За последние дни я уже хорошо узнала, что в нем привозят. А точнее – кого. Это всегда была толпа людей в одинаковой одежде, их уводили на другую сторону двора. К черному ходу. Спускали в подвалы, и я с ужасом понимала зачем. Я видела собственными глазами, что делают с ними такие, как Нейл да и он сам. Какими же наивными сейчас казались собственные романы про нечисть, про

потусторонний мир. Романы других писателей и шедевры кинематографа. Никто, даже я, на десятую долю не могли описать, что значит зло, что значит пожиратели души и плоти, пожиратели эмоций. Ни одна самая жуткая тварь не идет в сравнение с тем, что представлял из себя Нейл.

Почти одновременно с фургоном въехала машина Мортифера. Я слегка отпрянула назад, забыв на мгновение, что мне нужно уносить ноги из его комнаты, потому что засмотрелась… Я вспомнила, как писала нечто подобное, как он выходит из машины, и как ветер треплет его длинные волосы, как я… (нет, там не я… но зачем лицемерить, разве я не представляла себя на месте его женщины?) смотрю на него, и сердце замирает от его красоты. Только описать ее и увидеть в реальности – совершенно разные вещи.

Из фургона вышли люди. Мужчины, женщины и девочка. Маленькая девочка лет десяти. Она пряталась за спины взрослых, но именно ее конвоир поднял в воздух за волосы, и у меня сердце сжалось. Увидела короткий кивок Нейла и поняла, что от ужаса и ненависти кровь застыла в жилах. О боже! Неужели все так, как я думаю? Девочку потащили в дом, а остальных увели в обход.

Я бросилась к двери, распахнула и быстро сбежала по ступеням, увидела, как Нейл зашел в кабинет, успев сказать Лиаму, что он голоден и пусть еду приведут именно туда, немедленно. Я все поняла, заледенела изнутри. Увидела взгляд слуги, который заметил меня, а я побежала за ним.

– Лиам?

Остановился и медленно повернулся ко мне. Все такое же бесстрастное лицо. Как и всегда. Чертов робот.

– Да, госпожа.

– Это ребёнок… Он ее? – Я не могла сказать этого слух. Слишком чудовищно.

– Верно, госпожа.

– Господи! Не надо! Отведите к нему кого-то другого. Взрослого. Она же ребенок!

Я не верила, что говорю это. Разве имеет значение – кого? Или мое сознание начинает подстраиваться к этой дикой реальности? Лиам посмотрел на меня очень пристально:

– Когда для вас готовят обед, госпожа, то заказывают молодую телятину или цыплёнка, чтобы мясо было нежным. Вы понимаете, о чем я?

Я судорожно сглотнула.

– Но это ребенок. Маленькая девочка. Как он может?!

– Это еда. Ничего личного. Для Деуса она то же, что для вас вкусный бифштекс. Научитесь не думать об этом, измените восприятие, потому что ничего другого вы изменить не сможете. Она обречена так же, как куры в курятнике или лань в силках. Её съедят. Не сегодня, так завтра. Не Нейл, так кто-то другой.

– Это чудовищно! Это так… чудовищно!

От одной мысли об этом внутри поднялась паника и тошнота. Я попятилась назад, развернулась на пятках и бросилась к кабинету Нейла.

Ворвалась к нему, забыв о страхе, забыв о том, что не имею права – вот так.

Нейл сидел за столом, закинув ноги на столешницу, и крутил в длинных пальцах бокал с виски. Тёмные волосы падали на бледное лицо, в вороте расстегнутой рубашки виднелись тонкие цепочки из черного сплава, которые контрастировали с его кожей.

Зачем я пришла? Это бесполезно, это все равно что просить огонь не гореть и стихию не бушевать.

Казалось, он всецело увлечен рассматриванием бликов на бокале, но вдруг резко поднял голову и посмотрел на меня.

– Чем обязан? Пришла сказать спасибо за подарок? Открыла его наконец-то? Рассмотрела?

Я болезненно поморщилась. Нет, не открыла и не хотела смотреть. Как и все до него, как и все последующие за ним.

– Вижу, что нет, – взгляд потемнел, стал холодным, как лед, – я весь во внимании.

– Там… Привезли смертных… дюдей… Там.

– Да, как и всегда в этот день недели. Ты еще не привыкла?

Нет! Черт возьми! Я не привыкла и никогда не привыкну к тому, чем ты питаешься. Не привыкну и не приму.

– Там ребенок. Девочка. Очень маленькая.

– И?

Не глядя на меня, продолжая крутить бокал.

– И… она не может быть… – выдохнула, старясь унять дрожь в голосе, – не может быть едой!

– А кем может? Кем, кроме десерта?

Поднял на меня глаза и словно пронизал ими насквозь.

– Она слишком маленькая. Это чудовищно! Это невыносимо! Как ты можешь?

– Так же, как ты можешь пить горячий шоколад с хрустящей булкой по утрам, – резко подался вперёд, – это моя сущность. Их выращивают для моего стола. Как и многие продукты выращивают здесь для твоего меню. Кстати, повар здесь только ради тебя. Он готовит по особому рецепту то, что ты любишь есть. То, что научилась есть в своем «счастливом прошлом». Я думаю, ты это оценила.

Он намеренно переводит разговор на другую тему и смотрит прямо в глаза.

– Оценила.

– Вот и умница, девочка. Иди к себе. Мне некогда сейчас.

Отвернулся и сделал глоток из бокала. Казалось, для него я уже давно исчезла из кабинета.

– Нейл, пожалуйста!

Резко обернулся, и лед изнутри запылал пламенем. Именно контрастом, внутри зрачка пламя, а радужка ледяная.

– Мне. Некогда. Сейчас.

– Нейл, она такая маленькая. Ребенок, крошечная. Ей лет десять. Она ничего не успела в этой жизни. Дети – это святое, Нейл. Дети – это будущее, это еще тысяча, сто тысяч человек в будущем. Пожалуйста… отпусти её. У нее же есть родители. Люди, которые ее любят. Ты знаешь, что значит кого-то любить? Что значит любить ребенка? Нейл…

Мои глаза наполнились слезами, а его потемнели настолько, что зрачок почти слился с радужкой.

– Тебе наплевать, – одними губами, – совершенно наплевать. Ты – чудовище!

Попятилась назад, к двери, споткнулась и, распахнув ее, выбежала в коридор. Услышала голос Лиама снизу:

– Переоденьте в белое, никаких других цветов. На десерт только белое.

О господи! Бросилась к себе, закрылась изнутри, заливаясь слезами, меня тошнило в туалете, скручивало пополам и беспощадно тошнило. А потом я лежала на кафельном полу и смотрела в одну точку остекленевшим взглядом. Перед глазами проносились картинки, как равнодушный Лиам выносит маленькое окровавленное тельце из кабинета Нейла.

В дверях повернулся ключ, и я приподняла голову, встала с пола и, придерживаясь за стены, вышла из ванной.

Посередине комнаты стоял Лиам и держал за руку ту самую девочку, всю в белом, с очаровательными русыми косичками и огромными зелеными глазами. Она смотрела на меня обреченно, так, словно ее уже ничего не радовало, она смирилась, и она знала, что с ней сделают. Мне показалось, что сердце разрывается от тоски. Посмотрела на Лиама, и тот протянул руку девочки мне.

– Ваш подарок, Госпожа. Нейл Мортифер приказал, чтобы её отдали вам, и вы можете распорядиться её жизнью на ваше усмотрение.

Я смотрела в глаза слуге и судорожно сглотнула, чувствуя, как пересохло в горле. На дне узких глаз Лиама я увидела нечто, чего не видела ранее – восхищение? Нет, я затруднялась понять, что именно там вижу.

Я сжала маленькие пальчики ребенка и опустилась на колени, заглядывая в бледное личико.

– Как тебя зовут? – тихо спросила я.

– Подарок, – бесцветным голосом ответила она, не глядя на меня, а я всхлипнула и обхватила ее личико ладонями.

– Маленькая, никто не тронет тебя. Я обещаю. Посмотри на меня. Меня зовут Лия, и я отвезу тебя к твоим родителям.

Она быстро отрицательно покачал головой.

– Не надо.

– Почему? Разве у тебя нет отца и матери?

– Мы из резервации.

Я посмотрела на Лиама.

– Резервация для обреченных. Там живут те, кто изначально предназначен для питания Деусов. С самого рождения. Резервация преступников и осужденных до десятого поколения. Если вы вернете ее обратно, то завтра или через месяц её отвезут к кому-то другому.

Я повернулась к девочке:

– Тогда ты останешься здесь, и никто не обидит тебя, я позабочусь о тебе. Скажи мне свое имя.

– У меня не было имени, – тихо ответила девочка, – Хозяин назвал меня подарком.

Я привлекла ее к себе и обняла. Сердце колотилось в горле. Я все еще не верила, что он сделал это – пощадил её. Почему? Потому что я попросила? Не важно почему, важно, что она жива. Такая маленькая, худенькая. Я смотрела ей в глаза и гладила тоненькие косички. Девочка смотрела как сквозь меня.

– Мы придумаем тебе имя, очень красивое имя. Лиам, найдется для нее комната?

– Найдется и комната, и занятие найдется. Будет вытирать пыль по всему первому этажу. Недалеко от вашей спальни пустует помещение.

Я с благодарностью посмотрела на слугу, и тот отвел взгляд:

– Отдам её на попечение Сильвии. – Потом повернулся ко мне и тихо сказал: – Просите… вас слышат. Вас всегда слышат. Запомните.

Когда Лиам увел девочку, я наконец-то выдохнула. Внутри происходил настоящий переворот, какой-то разрушительный ураган. Он ломал стереотипы, пока только до трещин, до легких сомнений и до странного чувства триумфа и восторга. Вышла из спальни. Несколько секунд подумала и снова пошла к кабинету Нейла. Не решаясь войти, протянула руку к ручке, и вдруг дверь с грохотом распахнулась.

Он стоял у окна, не обернулся ко мне. Ровная спина, широко расставленные длинные ноги. На секунду задержала дыхание, стараясь унять сумасшедшее

сердцебиение.

– Ты все же рассмотрела мой подарок и наконец-то приняла. Я рад.

Все так же не оборачиваясь. Голос глухой, чуть хрипловатый. В длинных пальцах дымится сигарета. Я медленно выдохнула и тихо сказала:

– Спасибо.

Повернулся и посмотрел в глаза, а мне показалось, что все завертелось вокруг.

– Завтра я покажу тебе, зачем ты здесь и кем ты была раньше. Немного ответов на твои вопросы.

4 глава

Полуразрушенное здание с обшарпанными стенами и ржавыми потеками, карканье ворон где-то вверху и чувство опасности. Я поднимаюсь по разрушенной лестнице. Ступень за ступенью. Их ровно девять.

Я помню, как Нейл сказал, что я не должна идти по ступеням, я должна позвать его до того, как ступлю на первую. А я не могла. Словно в горле ком, словно там это дикое отрицание происходящего и я в кошмарном сне, я в прострации. Только несколько минут назад я была в тренировочном центре, смотрела на помощников Нейла и слушала, что он говорит мне, но не понимала ни слова. Они называли меня проводником, говорили, что у меня какие-то уникальные способности, а я, черт бы их побрал, не была вообще уверена, что мне это не снится.

А потом мозг взорвала ослепительная вспышка, и я оказалась здесь. Где? Я и сама не знала.

Каждый шаг дается мне с трудом, словно на моих ногах висят свинцовые гири. Мне страшно. Так страшно, что по спине катится градом холодный пот. А еще я знаю, что они найдут меня… идут по моему следу, дышат мне в затылок. Они. В

длинных черных плащах, с пластмассовыми лицами масок-анонима. Если догонят – убьют. Нет, не просто убьют, они будут методично пытать меня, они будут вспарывать мою кожу на лоскуты, сжигать мои волосы, отрежут мне язык, выколют глаза, они заставят меня молить о смерти. Я знаю – они могут. Они способны на все. Нейл говорил мне, что это стражи Темного мира. Говорил, что я должна бежать, но куда, боже, я не помнила, куда именно. И я упорно взбираюсь по высоким ступеням. Там, вверху, меня ждет избавление. Ведь должно ждать. Если есть ступени, то они куда-то ведут. Как часто нам кажется, что если мы идем по дороге, она куда-нибудь нас выведет, а не заведет. Но чаще всего она оказывается частью чудовищного лабиринта смерти и ведет прямиком к финалу. В самое пекло.

По стенам здания расползаются трещины, и земля дрожит подо мной. Я вижу, как разваливаются стены и кирпичи летят хаотично вниз, раскалываясь на куски. Один из них, пролетая, вспарывает мне плечо, и я зажимаю рану ледяными пальцами.

Мозг взрывается воспоминанием. Это уже было. Да… во сне. До того, как я позвала его. Возможно, я не должна его звать, я должна вытерпеть, и все закончится. Я проснусь в своей постели у себя дома.

Взобралась на девятую ступень и остановилась над обрывом. Смотрю вниз, и голова кружится – снег и лед, макушки елей. На дне этой бездны я сломаю себе шею, а если не прыгну, то меня схватят ОНИ. Стены пылают огнем. Языки пламени лижут кирпичи, пол, расползаются волнами по стенам. Они обжигают мои босые ноги до волдырей. Боже! Я в аду? Огонь приближается ко мне со всех сторон, и мне остается только прыгать вниз или сгореть заживо. И я сама не понимаю, что наконец-то кричу его имя. Громко, гортанно, до боли в голосовых связках. Медленно оборачиваясь назад к огненной стене, за языками пламени я вижу мужской силуэт, вижу, как он приближается ко мне. НЕТ! Нейл! Не иди! Ты сгоришь! Пожалуйста! И я не понимаю, кричу ли я или шепчу про себя. Пусть уходит. Если мне суждено сломать себе шею на дне этой пропасти, значит, так и будет. Зачем я позвала? Вижу, как пылает его одежда, и кричу, громко, отчаянно.

Смотрю вниз и в ужасе закрываю глаза, делаю шаг вперед, и в этот момент меня подхватывают сильные руки, разворачивают лицом к себе и… я встречаюсь взглядом с темно-синими глазами…

* * *

Мое сердце готово вырваться из груди. Оно то бьется, причиняя боль, то не бьется совсем. Я цепляюсь за его плечи, и у меня подкашиваются ноги. А внутри… внутри противоестественное чувство – я была уверена, что он придет за мной. Найдет даже здесь. И нет ощущения, что я вижу впервые… нет. Я его знаю… не просто знаю. А люблю. И это далеко не начало, а те самые отношения, где есть совместное прошлое: из слез, боли… из самой изощренной мучительной боли и невероятного счастья, ослепительного, ощутимого на физическом уровне. Смотрю на него… задыхаюсь, и весь мир вращается вокруг нас на бешеной скорости. Я прячу заплаканное лицо у него на груди и вдыхаю запах…

* * *

Нас выбросило обратно в тренировочный центр. Прямо перед экспертами, сидевшими возле аппаратов.

– Все вон! Все! Пошли! Вон!

Не дожидаясь, пока они выбегут из комнаты, схватил Лию за плечи, испытывая только одно желание – свернуть её тонкую шею.

– Идиотка! Ты совсем с ума сошла?! Какого хрена ты меня ослушалась?! Почему так долго не звала?

Встряхнул её так, что голова откинулась назад, и на мгновение закрылись глаза, а когда она распахнула их, я заметил, как в зрачках снова появляется дикий страх. Чертыхнулся про себя, впиваясь пальцами в нежную кожу на плечах, заставляя смотреть на себя, понимая, что она в шоке после этого перехода.

* * *

У меня еще стучал в висках адреналин, не просто стучал, а разрывал мне вены. Я никогда в своей жизни не испытывала ничего подобного. И я все еще не могла прийти в себя после всего, что случилось, после всего, что я узнала о себе и… после того, как Нейл спас меня. Мне это казалось невозможным. Я до смерти

боялась огня. Самая страшная стихия, которая внушает мне панический ужас. И от осознания, что могла сгореть живьем, как спичка, становилось жутко.

Нейл тряхнул меня за плечи, и когда я открыла глаза, то встретилась с его горящим взглядом. На нем ни одного ожога, но я видела, как он прошел сквозь огонь. Видела своими глазами. Я вцепилась в его запястья. Боже! Как же я испугалась, что это проклятое пламя сожрет его, и сейчас меня лихорадило после пережитого. Зуб на зуб не попадал.

* * *

Вцепилась в мои руки, и на какую-то предательскую долю секунды я подумал, что она испугалась не меня, а за меня. Испугалась того, что я мог сгореть. Но тут же отбросил эти мысли, потому что они из прошлого. Из того прошлого, в которое она не хотела возвращаться, а я понятия не имел, как вернуть её туда насильно.

Лия продолжает молчать, и мне это не нравится. Это приводит в ярость и… приносит страх. Слишком опасным оказался этот переход, все вышло из-под контроля, и обычный тест вдруг оказался смертельной ловушкой из-за ее неопытности. Но я был слишком зол, чтобы дать нам время, я даже надеялся, что это может стать своеобразным толчком для её памяти.

– Скажи хоть слово, Лия.

Снова встряхнул её и перевел взгляд на губы. Неожиданно диким осознанием: она в моих руках, сама льнет, не отстраняясь, не отворачиваясь и пряча взгляд, как это было в последнее время. И становится до боли необходимо просто услышать её голос, убедиться, что всё в порядке.

* * *

– Скажи хоть слово, Лия.

Его голос… Он врывается в сознание и заставляет дрожать еще больше, смотрю ему в глаза и прижимаюсь всем телом сильнее. Почувствовать сердцебиение.

Обязана. Не знаю почему. Должна услышать, как оно бьется, и я успокоюсь. Раскрытые ладони на его груди, и глаза в глаза… Секунды отбивают ритм в висках, и под ладонями его жизнью. Дыхание все еще срывается, все еще бешено бьется сердце.

– Ты… живой.

Мне хотелось трогать его лицо пальцами, чтобы убедиться, что действительно живой. Это был настолько сумасшедший ужас, я никогда так не боялась. Где-то в уголках сознания мелькнуло, что это могло быть частью игры… но облегчение от того, что он действительно жив, забивало все остальные мысли. А потом лезвием по нервам: «Он бессмертный, Лия, а ты идиотка».

Разжала пальцы, сжимающие его плечи, отстраняясь… Желая только одного – чтобы отпустил, чувствуя горячие ладони на талии, понимая, что сама льну к нему, и начиная осознавать, что мы здесь одни и это опасно… Потому что моя кожа воспламенилась под его руками, потому что мне уже трудно дышать от его близости… Потому что страх перетекает в возбуждение.

– Отпусти, – очень тихо, умоляя, – отпусти, пожалуйста.

* * *

Всего два слова, и я действительно воскресаю. Всего два слова на выдохе, слишком тихо, настолько тихо, что даже кажется, будто мне послышалось. Будто больное сознание выдает желаемое за действительное. Но я читаю эти слова в её глазах, я чувствую их на своей коже под её пальцами, и прижимаю холодные ладони к себе сильнее, втягивая в себя её аромат, сходя от него с ума. В висках пульсирует отчаянное желание прижаться к её губам, вдохнуть в себя её страх. Но уже в следующую секунду это грёбаное «Отпусти».

Отстранилась от меня, и сразу волна холода из ниоткуда, и я притягиваю её к себе, чтобы пропасть навечно на дне её глаз, чтобы процедить сквозь зубы, сжимая талию руками:

– Меня бесит слово «Отпусти»! Никогда не смей его произносить! Забудь о нем! Потому что НЕ ОТПУЩУ!

И наброситься на её рот, сминая губы, раздвигая их языком, врываясь в горячую глубину, исследуя нёбо, зубы и рыча, когда она начинает отвечать мне, сплетая наши языки. Выпивать до дна её дыхание, не оставляя ни капли, умирая от простого поцелуя, ощущая, как моментально каменеет член в штанах, как напрягается её тело в моих руках. Сейчас я чувствовал, что если она снова оттолкнёт меня, то я сдохну… или убью её.

Отстранился, чтобы улыбнуться её затуманенному взгляду и тут же снова впиться в губы, не давая опомниться, запуская руку под кофту, жадно, грубо сжимая упругую грудь, большим пальцем дразня сосок.

Понимая, что готов кончить, словно подросток, только от этих прикосновений. Наших первых прикосновений после стольких лет. После того, как мучительно долго жаждал этого и вспоминал об этом.

* * *

Впился в мой рот, и я поняла, что все. Я не могу больше сопротивляться, больше не могу противостоять ему и себе одновременно. Это слишком непосильно для меня, особенно когда его губы сминают мои и в легкие врывается запах его дыхания. Вместе с жадным языком, и я отвечаю со стоном, с изнеможением от капитуляции. Когда понимаю, что обезумела в эту же секунду, как отпустила себя, сорвалась, полетела в пропасть. На дно его глаз, в космос его демонов.

Отстранился, а у меня ломка. Мгновенная с интервалом в секунду, с болью от расставания на миллиметр. Не думать… чувствовать. Необратимо и необходимо, как дышать, тянуться за его губами и ощущать, как сжимает грудь, как ласкает мгновенно затвердевший сосок, заставляя выгнуться, заставляя застонать и зарыться дрожащими пальцами в его волосы. Слишком долго хотела, слишком долго представляла… о боже, и не только представляла…От одной мысли, что он реально со мной, что сейчас его ладони ласкают мое тело и… это не иллюзия, не фантазия… я отчаянно до дикости хочу узнать, что это такое – быть с ним по-настоящему.

* * *

Проклятая ткань, от которой тело не просто зудит, она словно оставляет глубокие борозды на теле, не позволяя почувствовать, насколько горячая кожа у Лии. И я сдираю с неё кофту, разрывая её и посылая к чертям собачьим, туда же отшвырнув и лифчик. Чтобы склониться и прикусить зубами сосок, сатанея от тихого вскрика, от тонких пальцев, перебирающих мои волосы, от запаха её возбуждения, сносящего все тормоза, заставляющего рычать в унисон с её рваным дыханием.

Оторвался от неё, чтобы подтолкнуть к столу, приподнять за бёдра и усадить на него, смахивая ладонью бумаги, папки, компьютеры. Лихорадочно задираю её юбку, проникая ладонью за резинку трусиков, не сводя взгляда с её лица, с румянца, расползавшегося по щекам, по шее, с упругой груди и торчащих сосков, дерзко требующих ласки. И я склоняюсь, прикусываю твёрдую вершинку, чтобы тут же отстраниться и подуть на неё, в то же время раздвигая пальцами складки плоти между ног.

– Такая мокрая, моя девочка. – вдохнул полной грудью терпкий запах её желания. Положил её ладонь на член. – Чувствуешь, как сильно я хочу тебя, Лия?

Проскользнул пальцем в тесное лоно, сцепив зубы, чтобы не закричать, не завыть триумфальную песню. И снова к груди, лаская и терзая твёрдые камушки сосков губами, вгрызаясь в них зубами. Так, чтобы зарычать только от её аромата, от вкуса на языке, слизывая алую дорожку с белой кожи.

Вытащить палец из неё, чтобы ворваться уже грубо, намеренно жёстко двумя, вынуждая её выгнуться, надавливая большим пальцем на клитор. И подыхая от едкого желания оказаться в ней по-настоящему. Я хочу всё, много, крики, стоны, оргазмы. Много и для меня.

* * *

Слышу треск материи, чувствую, как нетерпеливо сдирает одежду, и у меня все тело горит от желания, чтобы снял все. Чтобы остаться полностью обнаженной, чтобы чувствовать его каждым кусочком тела. Прикосновения имеют память. Еще бо2льшую, чем глаза. Прикосновения оставляют следы навечно, и я хотела его пальцы везде. На мне, во мне. Это была осознанная бешеная похоть на грани безумия, выстраданная годами. Тело наполняется болью от желания, потому что я на пределе только от осознания, что я с ним. Все сомнения становятся

ничтожными, мелкими, глупыми.

Ладони Нейла скользят по голой коже, губы пожирают каждый миллиметр, прикусывая соски, вызывая ответный шквал сумасшествия, и меня лихорадит. Подталкивает к столу, резко усаживая на край, проникая под юбку голодными пальцами, и я чувствую этот голод физически. Он витает в воздухе, раскаляет его до кипятка, чтобы обжигать легкие хаотично рваными вздохами, выдохами-стонами. И снова его губы на груди, а мне уже хочется кричать от нетерпения, и мои руки лихорадочно сдирают с него одежду, чтобы прикоснуться к нему, ощутить кожу под кончиками пальцев, под ногтями. Оставить на нем следы, пусть ненадолго. Отдать боль, причиняя ту боль, которую я испытывала каждый день, каждую секунду, желая его так долго и так отчаянно.

Чувствую, как проникает рукой между моих ног, раздвигая складки горячей плоти, под бешеную пульсацию, по нескончаемой влаге.

– Такая мокрая, моя девочка.

И слова только подхлестывают желания, как острые лезвия, как самая бесстыжая и наглая ласка, как проникновение. Только слова, только его голос, и я чувствую, как первые волны наслаждения окатывают все тело.

Прижал мою ладонь к своему паху, и я сжала пальцами напряженный член, закатывая глаза, потому что уже мысленно приняла его в себя. Глубоко, резко. Скулы свело от предвкушения. Проник в меня пальцами, и я вскрикнула, непроизвольно сжимаясь, чувствуя, как трясет крупной дрожью. Резкая боль от укусов в напряженных сосках, и тут же порхание его языка и рычание, и хриплые стоны с шумным дыханием. Чистое безумие. Его и моё.

Врывается в меня двумя пальцами. Грубо, сильно, растирая пульсирующий, набухший клитор, и меня накрывает, точка невозврата взорвана, распахиваю ноги шире, двигая бедрами навстречу, насаживаясь на его пальцы, чувствуя изнутри умелые толчки и ласку. Он точно знает, как ласкать меня, чтобы заставить сорваться. И всхлипывая его имя, притягивая к себе за волосы, чтобы отдать крик, чтобы сожрал его, пока я извиваюсь от оргазма в его руках, ослепленная, оглушенная яркостью экстаза.

* * *

Не позволяя ей отстраниться. Впиваясь в неё. До боли в губах. До синяков на бёдрах. Вырывая первый крик. Поглощая его. Чувствуя, как она истекает влагой на моих пальцах, как судорожно сжимает их лоном в спазмах оргазма. В диком нетерпении спустить её на пол, разворачивая к себе спиной, подтолкнуть вперёд, вынуждая опереться руками на стол и раздвинуть ноги шире.

Торопливо расстёгиваю брюки и наматываю густые волосы на руку, чтобы оттянуть голову назад, врываясь в неё до упора. Резко. В унисон моё рычание и её громкий крик. Наконец-то оказавшись в ней! По-настоящему! Слишком долго я не был в ней! Я соскучился по этому, Лия! Я не знаю, как я не сдох без тебя за это время!

Чувствую, как она плотно обхватила меня изнутри, слышу её хаотичное дыхание и запах слёз, и в груди бешеное, неуправляемое желание услышать её рыдания. Плачь, малыш. Я обожаю твои слёзы, обожаю слизывать их языком с твоих щёк. Слаще только твоя кровь. Ты не готова принять сегодня все то, что я могу дать и взять. Потом я возьму больше, позже я снова научу тебя отдавать мне свою боль… А сейчас я жажду твоего наслаждения. Я слишком голоден. Сжал рукой грудь, начиная двигаться, шумно выдыхая сквозь зубы, выходя из неё полностью и тут же вдалбливаясь в соблазнительное тело. Заставляя прогнуться ещё больше, принимать меня ещё глубже. Никакой нежности, Лия. Только оставляя отметины. Зубами вгрызаясь в шею и теряя контроль лишь от капли крови, попавшей в горло. Сминая ладонью живот, проскользнуть между ножек и сжать клитор. Ты готова взорваться снова. Чувствую пульсацию под пальцами и сжимаю ещё сильнее. Да, девочка, кончи для меня ещё раз, потому что я на грани. Заставь обезуметь от твоего экстаза. Повернув её к себе, впиваясь в шелковистые волосы на затылке, заглядывая в пьяные глаза, прошептать в самые губы приказом:

– Кричи, малыш!

* * *

Развернул спиной к себе, а у меня ноги подгибаются от слабости и от желания, от ожидания вторжения. Толкает вперед, животом на стол, опираюсь на руки, прогибаясь и дрожа всем телом, и вскрик удовольствия, извращенного

удовольствия, почувствовать, как наматывает волосы на руку, тянет назад, заставляя прогибаться, пульсировать, трястись от желания получить в себе, отдаться полностью, позволить и покорно принять, открыть рот в немом крике, когда вошел. Затуманенным взглядом, через марево страсти, в глубину себя… осознанием, что хочу его до сумасшествия. И сорваться на крик, одновременно с его хриплым триумфальным рычанием. Первый толчок внутри раскаленной плотью по раскаленной плоти. Жестоким трением, вышибая искры из глаз. Обжигая и выжигая, помечая, оставляя свой запах проникновения, растягивая меня до боли, вбиваясь на всю длину и давая прочувствовать эту мощь изнутри, выходя полностью и снова врываясь до предела, так, что живот скручивает от возбуждения и в горле клокочет рыдание, ощущая каждую вену и рельеф его плоти во мне. Слезы катятся по щекам. Это не могло быть лучше, чем есть, потому что в миллиарды раз лучше, чем я представляла. Это больше чем секс, жадная потребность, животная страсть, звериный голод.

Вгрызается клыками в шею, проникая резче, жестче, быстрее. Безжалостно быстро, слишком быстро. В одном темпе, увеличивая, не снижая, не жалея, поднимая амплитуду толчков до оглушительного взрыва. Почувствовала его пальцы на пылающем клиторе, грубое умелое сжатие, разрывает возбуждение в ослепительную стихию и властный приказ, от которого трясет и закатываются глаза:

– Кричи, малыш.

Да! Кричать! Для него! Под ним. Снова и снова. Это же так естественно, чтобы оргазм сплетался только с его именем, острые иглы наслаждения, пробивающие буквы. Четыре буквы. Н-Е-Й-Л.

Замереть на секунду перед агонией и забиться в судорогах ослепительного урагана, который сметает все, вместе со слезами по щекам, вместе с хаотичным движением бедер навстречу его плоти, судорожно сжимая его изнутри. Быстро и сильно. Так же быстро, как он двигается во мне, не отпуская ни на секунду, продлевая муку наслаждения, разбивая каждый осколок экстаза еще на более мелкие частицы, на атомы чистейшего кайфа.

****

Взрыв. Мощный. Беспощадный. Словно атомный реактор. И после него меняется всё. Ни одного выжившего. Ни единой мысли. Только наши тела, сплетенные накрепко, прошиты между собой красными нитями. И я вижу эти нити, как только открываю глаза. Они горят ярким цветом на её коже, рваными стежками переходя в моё тело.

Моя зависимость от неё. Она вернулась. Она, блядь, вернулась именно сейчас! Потому что это было самое правильное за последние семнадцать лет! Мы вместе! Я в ней! И она, дрожащая, обессиленная в моих руках. Не отворачивая головы, удерживая мой взгляд. Она не знает, но её тело помнит, как я люблю её брать. И оно отзывается так, что хочется раскрошить руками стол… Хочется сжать ещё сильнее упругие бёдра, до крика. Потому что МОЯ! Теперь точно моя!

Развернул её к себе лицом, прижимая к груди, зарываясь лицом в спутанные волосы.

– Люблю тебя, малыш, – одними губами. Беззвучно. Не хочу, чтобы слышала.

* * *

Отстранилась, осторожно освобождаясь от объятий, чувствуя, как к щекам приливает краска. Посмотрела на него – улыбался, триумфально, до боли красивый, до невыносимости, и глаза светлые-светлые, лед растаял, а у меня внутри все сжимается от понимания, что я слишком беззащитна сейчас, он может делать со мной что угодно. Как кукловод с марионеткой, управляя мной прикосновениями пальцев, голосом, взглядом.

Нейл набросил на меня свою рубашку, укутывая в черный шелк, пытаясь привлечь к себе, а я уперлась руками ему в грудь, отворачиваясь, избегая смотреть в глаза. Взял за подбородок и приподнял мое лицо.

– Что такое, малыш? Посмотри на меня.

Не могу смотреть. Потому что вижу там свое отражение, свое бледное лицо, растрепанные волосы, свое падение к его ногам. Там в его зрачках я стою на коленях, потому что он этого хочет, я протягиваю ему конец цепи и склоняю голову, чтобы надел ошейник. Я ничего не помню, не знаю, каким образом он

имеет такую власть надо мной. Мне страшно. Я боюсь себя, я боюсь его. Мне хочется бежать как можно дальше и спрятаться, забиться в угол и лихорадочно разбираться в себе. Кромсать свою память, эмоции резать на клочки и квадраты, чтобы собрать новую картинку, чтобы понять себя. Самое страшное – не понимать именно себя. Казаться себе чужой, незнакомой, не такой, как всегда. Это все равно что увидеть в зеркале не свою копию. Смотреть в блестящее стекло, рыдать от бессилия в тот момент, как твое отражение улыбается, изнемогает от пережитого кайфа, лениво потягивается, удовлетворенное и измотанное насаждением. Да, оно похоже на тебя… но оно не ты. И с Нейлом всего пару минут назад была не я. Потому что я никогда и никого не хотела так дико, я никогда не была способна на этот ментальный апокалипсис вожделения. Одержимо и необратимо, как последний вздох, как глоток воздуха перед смертью, так он был мне необходим. Но разве можно настолько хотеть, если не знаешь, если не любишь… Или люблю? Нет! Я не могу его любить! Хочется трясти головой, отступать назад, на горящий мост, шаг за шагом назад. Нельзя любить того, кто не умеет и ничего не даст взамен, нельзя убивать себя так быстро, так безжалостно. Я никогда не теряла контроль, а с ним нет никакого контроля. Он весь у него. И это страшно. С ним я – это не я. Потому что мне хочется стоять на коленях… и это НЕ НОРМАЛЬНО!

– Отпусти меня, – тихо, жалобно, – отвези домой. Пожалуйста.

Его руки разжались, а я покачнулась, чуть не упала. Ноги подкашивались, тряслись.

Увидела, как сильно сжались челюсти Нейла, как заиграли на скулах желваки.

– Что не так? Боишься меня? Было больно? Что не так, малыш? – избегая взгляда, не смотреть. Не смотреть на себя, такую жалкую в его глазах, покоренную и надломленную.

Господи! Все не так! Я не та, не там, не так! Нейл брал не только мое тело, он проникал в мою душу, ее он тоже ласкал пальцами, терзал, помечал когтями и клыками, жадными горячими губами, пронзал толчками плоти. Он брал меня всю. И это не ТАК. Потому что я не хочу этого. Потому что я не готова отдавать так много.

Я посмотрела на него затуманенным взглядом, чувствуя, как они наполняются слезами.

– Мне нужно побыть одной.

Прищурился. Долгий взгляд. Очень тяжелый. Невыносимый. Хочется зажмуриться и стать очень маленькой, незаметной.

– Ты побудешь одна. Ты побудешь одна так долго, как я решу. Только хватит лгать себе и прятаться от себя. Моего терпения тоже надолго не хватит, – дернул к себе за ворот собственной рубашки, – ты хотела меня, ты жаждала меня, ты отдавалась мне и орала мое имя. К чему сейчас разыгрывать спектакль? Чего ты боишься, Лия?

– Тебя! Себя! Я не хотела! Я просто сильно испугалась! – истерически, громко, срываясь на слезы. – Ты заставил меня! Ты каким-то дьявольским образом забираешься ко мне в мозги и заставляешь хотеть тебя, заставляешь быть иной, не мною. Все не настоящее, и секс с тобой был не настоящим. Ты взял сам. Это иллюзия. Ты создаешь ее во мне, потому что я слишком слабая, а ты сильный. Ты пользуешься мной. Я бы никогда не попросила! Потому что ты ужасаешь меня! Ты воплощение всего, чего я боюсь. Ты – смерть. Как я могу хотеть тебя? Это так же противоестественно, как желать боли. Когда ты прикасаешься ко мне – меня трясет от ужаса и от желания одновременно.

– Достаточно! Хватит!

Резко оттолкнул от себя, и я пошатнулась, сжимая руками ворот его рубашки, пряча наготу.

– Противоестественно хотеть боли? Когда-то ты молила меня причинить тебе боль, чтобы твое наслаждение было ярче. Да, ты была податливой и голодной до той боли, которую я мог выбивать из тебя вместе с оргазмами.

– Ложь! Не верю ни одному твоему слову. Это не нормально! Я не могла быть такой! То была не я!

– Да! Не ты! Не ты, мать твою! – Смотрит в глаза, и его взгляд становится слишком страшным, на дне синего пламени я вижу свою смерть. – А где они, пределы нормальности? В твоем «счастливом прошлом»? С ним? Там все было нормально?

– Да! Все было так, как должно быть! В моем мире не было таких монстров, как ты!

Нейл вдруг резко прижал меня к стене за горло, и его глаза загорелись дьявольским огнем, обещая мне все муки ада.

– Да, монстр, Лия. Жуткая тварь. Чудовище. Все верно. Каждое слово. И да, это не ты. Это фальшивка! Оболочка пустая. Внутри тебя звенит пустота! Потому что ты – другая… Она любила монстра!

– Она, но не я. Я не люблю тебя! Ты хочешь то, что я не могу тебе дать!

– А ему, – приблизил лицо к моему, выдыхая ярость, обжигая ею кожу, – ему давала?!

– Да! Ему давала и дала бы еще, потому что он настоящий! Но ты все разрушил, искалечил мою жизнь, решил распоряжаться мной…

Замахнулся, и я зажмурилась, ожидая удара, словно уверенная, что ударит, но кулак врезался рядом с моим лицом, заставив вздрогнуть.

– Я. БУДУ. РАСПОРЯЖАТЬСЯ. ТОБОЙ. ПОТОМУ ЧТО ТЫ МОЯ!

От яростного рычания в помещении задрожали стены. Резко разжал пальцы и добавил:

– Моя, пока я не решу иначе. Смирись!

Я медленно сползла по стене на пол.

Нейл вышел из помещения, шваркнув дверью с такой силой, что посыпалась штукатурка. Спустя пару минут за мной пришел Лиам. Протянул руку, помогая

подняться. Он молчал, и я молчала, меня все еще лихорадило. В машине я посмотрела на слугу и тихо спросила:

– Скажи мне, Лиам, скажи, пожалуйста, кем я была для него? Я должна это знать. Я больше никогда не спрошу. Кем. Я. Была. Для. Него?

Медленно повернулся ко мне.

– Всем и никем.

Стало страшно, так страшно, что захотелось заплакать, как ребенку.

– Он не отпустит меня?

– Не отпустит. Скорее он вас убьет.

В его голосе прозвучало сожаление, а я отвернулась к окну. Дежавю… только картинки слишком разные.

Словно я писала строчки красными чернилами… а они проявились черными. Мои строчки о нем. Вымысел красивее реальности, потому что реальность уродлива в своей обнаженной искренности. Любовь не всегда переливается яркими красками… если смешать все оттенки вместе – вы получите черный. Только по отдельности они могут быть разными. Моя палитра смешалась, растворилась. Если я и любила Нейла Мортифера, то цвет моей любви – черный. Цвет моей любви к нему – это смерть… Смерть меня прежней. А я не хочу умирать. Но разве кто-то спросит моего мнения? Мой убийца уже нанес первые мазки на палитру моих эмоций, и рано или поздно он закрасит весь холст, мне остается только ждать, когда. Холст не выбирает художника, так же как и не знает, когда рисунок будет закончен, он удовлетворит творца, или тот сожжет неудачный шедевр.

5 глава

Он уехал, и не просто на несколько часов, а уехал надолго.

Первые дни я провела у себя, все еще ожидая, что Нейл вернется, он всегда возвращался. Все это время, что я нахожусь в этом доме, не было ни дня, чтобы он не присутствовал.

Я бы никогда не призналась себе, что его отсутствие, как и присутствие, я чувствую физически. Как противоречивы собственные эмоции, какая дикая внутренняя борьба, потому что я должна радоваться, что его нет, а вместо этого я подхожу к окну в безмолвном ожидании, когда распахнутся ворота и его машина въедет на территорию особняка. Острая нехватка присутствия, уже знакомая мне неестественная ломка. Только раньше я скучала по своим мыслям о нем, по строчкам о нем, по его образу перед глазами, а сейчас… мне не хватало его присутствия. Абсурдно, но каждый день внутри меня что-то надламывалось… Со временем я пойму, что это осколки моего неприятия Нейла настоящего, это куски той маски, которую я на него надела и долгое время любила этот восковой слепок, совершенно не похожий на оригинал, а под маской оказался звериный оскал… но, черт возьми, он был настоящим. Но я уже не знала, что лучше – лживая маска и розовые очки или та правда, которая выворачивает наизнанку и потрошит мое сознание, меняя восприятие, ваяя реальную зависимость, привязанность, тягу.

Но даже дом без него стал пустым, словно Нейл своим присутствием заполнял пустоту, оживлял это строение и превращал в живой организм, который дышал только в его присутствии.

Еще с самого первого дня меня поражало это здание, оно жило отдельной жизнью, по своим законам, как и его обитатели. Я часто думала о том, что их держит здесь? Почему все они остаются в этом доме, хотя смертельно боятся его хозяина? Как всегда, ответов не было. Но я чувствовала, что помимо страха все эти люди фанатично преданы Нейлу. Для меня, привыкшей к равенству и демократии моего мира, подобные средневековые правила были ужасающими.

Все эти дни я проводила на этаже со слугами. Поначалу они сторонились меня, замолкали в моем присутствии, но я неизменно приходила к Мие, к моему маленькому подарку, который наконец-то стал походить на обычного ребенка, а не на восковую куклу. И постепенно отношение слуг изменилось, они начали отвечать на мои вопросы, а иногда и разговаривать в моем присутствии, смеяться. Они мне доверяли, потому что я спасла одну из них, такую же, как они, а в этом мире не привыкли к чужой жалости, к состраданию тех, кто выше

тебя по положению, а я была выше. Для них я в ином статусе – статусе любовницы Нейла Мортифера. Этого не произносили вслух, но этим были наполнены их взгляды, которые они бросали на меня. Кто-то с завистью и ненавистью, кто-то с восхищением, а кто-то с сочувствием, и, пожалуй, последние были близки к истинному положению вещей. Потому что я сама могла себе всего лишь посочувствовать и позавидовать таким, как они. Они не имели никакого значения для Нейла, тогда как я жила под его пристальным вниманием; даже сейчас, когда его здесь не было, я чувствовала, что каждый мой шаг строго проконтролирован.

Единственный, кто искренне был мне рад – это Мия. Дети не умеют лицемерить, и в ее огромных глазах вспыхивал огонек, который согревал меня. Я сама обустроила ее комнату и с наслаждением расчесывала тоненькие волосики Мии перед сном, я рассказывала ей сказки на ночь и заботилась о том, чтобы в ее рацион входили необходимые для ребенка витамины.

В свое время я мечтала, как буду так же заботиться о своем собственном ребенке, но нам со Стефом не повезло. Я так ни разу и не забеременела. Походы по врачам не принесли ничего, кроме разочарования. Они говорили, что я бесплодна. Приемного ребенка Стеф не хотел. И когда я смотрела на Мию, я представляла себе, что она могла бы быть моей дочерью. Только внутри постоянно билось чувство, что это все ненадолго, что в любой момент ОН может передумать и отобрать ее у меня.

В этом мире нет ничего, что могло бы принадлежать мне, а если и принадлежало, то, скорее, для видимости и никогда по-настоящему моим не станет.

Имя мы придумали с ней вместе, Мия очень хотела, чтобы наши имена были похожи.

С каждым днем она менялась, а я вместе с ней, мы переставали бояться. Наверное, каждому человеку нужно о ком-то заботиться, чтобы чувствовать себя значимым, нужным. Мое сравнение кому-то покажется циничным или кощунственным, но именно поэтому люди заводят себе домашних питомцев. Им нравится заботиться, нравится приручить кого-то, кто будет их абсолютно и безоговорочно любить и в тоже время зависеть от них. В каждом из нас живет хозяин. Кто-то деспотичный, кто-то добрый и мягкий, но всякий раз, когда мы взваливаем на себя заботу о ком-то, мы тешим свое собственное эго намного

больше, чем реально испытываем привязанность к зависимому. И я любила Мию именно за это – она создала для меня иллюзорный смысл существования там, где не было вообще никакого смысла ни в чем. Во мне особенно.

Через несколько дней я все же познакомилась со слугами, Лиам представил мне всех по именам и рассказал об обязанностях каждого из них. Он также сообщил, сколько времени они работают у Нейла, и оказалось, что некоторые родились в этом доме, что их семьи служат Деусу столетиями.

Мне захотелось спросить, каким образом он принудил их служить ему так долго, но я не решилась. Зато я спросила у Лиама, с ним мы общались все чаще.

Ответ меня поразил – никто из них не работал у Деуса насильно, потому что, оказывается, намного безопасней находиться в этом доме, чем за его чертой, где смертные являются постоянной добычей. Нейл далеко не самый жестокий хозяин, в отличие от других Деусов, и хотя он и внушает ужас своим подчиненным, он не трогает их, если не нарушаются неписаные законы этого дома. Тогда как в других особняках слуги меняются постоянно, потому что являются не только обслуживающим персонажем, но и развлечением хозяев. Едой.

Мне было страшно спросить, что происходит с теми, кто нарушает правила в этом доме. Ни для кого не секрет, что в подвалах особняка содержатся сотни людей для разных нужд хозяина, но эта тема никогда не затрагивается. Как они могут мысленно отстраняться от этого? Как могут настолько хладнокровно закрывать глаза?

А потом понимала, что они не знают ничего другого, они впитали это с молоком матерей, выучили столетиями рабства и подчинения, где не существовало даже малейшего шанса на изменения. Они считали Божьей благодатью прислуживать Нейлу и оставаться в живых, пытались пристроить своих близких в то место, которое давало хоть малейшую гарантию безопасности. Они выживали как могли. В ошейниках и на коленях. И если ошейники были материальными и я видела их на шее каждого из слуг, то на коленях они стояли перед ним ментально, ползали и целовали носки его сапог. Я понимала, что стоит Нейлу щелкнуть пальцами, и они станут на колени по-настоящему. А я? Я готова стать перед ним на колени?

Увидев, что от скуки я схожу с ума, Лиам устроил мне экскурсию по всему особняку, начиная с верхних этажей и заканчивая нижними. Сама бы я точно там заблудилась, потому что дом походил на лабиринт и, словно намеренно, приводил меня туда, куда приходить нельзя. Та часть дома, куда имел доступ только Нейл и несколько доверенных слуг. Раньше я в ней не бывала, так как даже не подозревала о её существовании. Лиам привел меня сюда, чтобы сказать, что это запрещенный сектор. Хозяин приходит в бешенство, если кто-то даже просто крутится рядом, не то что входит туда. Многие сильно пострадали за свое любопытство, и Лиам искренне не советует мне приближаться к этому сектору.

Как интересно устроен человеческий разум, точнее, мой собственный: я не могла думать больше ни о чем другом, кроме как об этом секторе, ключи от которого были только у Лиама и у Сильвии. Точнее, не ключи, а пластиковая карта с отпечатками пальцев хозяина. Потому что тяжелая дверь открывалась лишь тогда, когда к маленькому дисплею возле замка прикладывался этот своеобразный ключ.

Меня пожирало любопытство, один из самых противных моих пороков. Я, не переставая, мысленно возвращалась к сектору снова и снова, строя самые разные предположения о том, что там могло находиться. Больше всего мы хотим узнать тайны того, кого боимся, словно в надежде получить оружие против своего страха или, наоборот, понять, чего именно стоит опасаться больше всего. Но не всегда стоит избавляться от страха, потому что он и есть тот самый инстинкт самосохранения, благодаря ему мы избегаем ситуаций, которые могут привести нас к смерти. Природа заложила в нас этот механизм, и он идеально работает в моменты опасности.

Ночью, когда все звуки в доме стихли, я вышла из своей комнаты, наведалась к Мие и… сама не заметила, как пришла в ту самую часть дома. Я долго рассматривала круглую ручку под дисплеем и, как и любой, кто стоит перед закрытой дверью, попыталась ее открыть. Повернула несколько раз, но дверь, естественно, не поддалась.

Я услышала позади себя шорох и быстро обернулась, спрятав руки за спиной, прислонившись к двери, и в этот момент послышался характерный щелчок открывшегося замка.

Вздрогнув от неожиданности, резко отскочила, и мои глаза расширились от удивления. Дверь отворилась. Дыхание участилось, и я инстинктивно захлопнула ее обратно. Несколько секунд смотрела на ручку. Потом протянула пальцы и прижала их к дисплею. Снова сухой щелчок, и меня пронизало током, в горле резко пересохло. От догадки пульсировало в висках, но я не могла в это поверить – закрытый сектор дома открывался и от моих отпечатков пальцев. То есть я могла входить в эту часть здания, и никто, кроме Нейла, не мог разрешить мне доступ.

Трещина внутри… та самая, она стала больше, осыпались первые осколки выстроенной мною брони. Те самые осколки безопасного страха. Трудно продолжать бояться того, кто, как оказалось, доверял тебе…

Выдохнув, перешагнула порог и затворила за собой дверь.

Я словно попала в другое измерение. Потому что здесь меньше всего было черного.

Эта часть дома пестрела пусть и приглушенными, но совсем иными цветами.

Сиреневый, голубой, синий, белый… Пастельные тона, которые так безумно нравились мне самой. Я зашла в одну из комнат и замерла – она напоминала мне мою собственную спальню в нашем со Стефом доме. Я сама выбирала для нее дизайн, сама покупала шторы, краску для стен, ковер и тумбочку у кровати. Нет, здесь не было полной идентичности, но такое впечатление, что ее обставила именно я, именно в моем вкусе и именно для себя. Захотелось попятиться назад и быстро захлопнуть дверь. Потому что это похоже на сюрреалистический кошмар. Я подошла к столу, отодвинула ящик. Аккуратно сложенные вещи. Нижнее белье, косметика, украшения.

Открыла одну из коробочек, и мозг пронзило молнией, я даже поморщилась от боли. На бархатке кольцо, похожее на змею, чье тело усыпано очень мелкими драгоценными камнями. Но не оно само меня поразило, а воспоминание… Когда-то давно, после аварии, в больнице я заметила светлые полосы на своем безымянном пальце, такие, которые остаются, если очень долго, не снимая, носить украшение, часы, цепочку. Когда кожа загорает на солнце, а снизу остается след. Так вот на моем пальце был след, похожий на очертания этого самого кольца.

Протянула руку и взяла дрожащими пальцами перстень, надела на палец и сжала руку в кулак – подходит идеально. Быстро сняла и положила обратно. Захлопнула ящик.

Еще одна спальня… с огромной широкой постелью, застеленной также черным шелковым бельем. Осмотрелась по сторонам и судорожно вздохнула, увидев на спинке стула тоненький халат, словно еще вчера сброшенный кем-то. Тонкая красная ткань сверкала, как зарево, на черной деревянной спинке. Поддавшись порыву, я взяла ее в руки, поднесла к лицу, пальцы разжались, и халат бесшумно лег пятном у моих ног, подняла и повесила обратно.

Ощущение, что я влезла туда, куда лезть не имела права, не покидало. Но остановиться уже не могла. Открывала ящики стола, и каждая находка шокировала все больше и больше. Женские предметы туалета, кремы… и засушенные цветы в одном из ящиков. Семнадцать, и каждый из цветов словно моложе своего соседа, последний вообще еще свежий, хоть и завядший. Это не могло быть правдой. Монстр не мог собирать все эти цветы, ровно столько, сколько, по его словам, я отсутствовала. Но факт оставался фактом. Еще одна маска? А под ней?

Почему-то последнее напугало меня больше, чем все, что я «видела» в нем до этого. Нас пугает то, что мы не понимаем, и я понимала все меньше и меньше.

В последнем ящике я нашла медальон, подняла за цепочку и нажала на кнопку сбоку. О боже! У меня задрожали руки, и я почувствовала, как по спине поползли мурашки от затылка до копчика – там внутри на портрете было мое изображение.

Моложе, лет двадцать, с распущенными волосами, с блеском в глазах и нежной улыбкой на губах. Я улыбалась тому, кто делал этот снимок. Не просто улыбалась – я светилась счастьем. Так смотрят влюбленные женщины на того, кого обожают и кто им отвечает взаимностью.

Рядом с медальоном стопка свернутых вчетверо квадратов бумаги; когда я развернула один из них, я чуть пошатнулась и сжала записку в ладони. Моим почерком там было выведено его имя…

«Нейл, я так сильно тоскую по тебе, каждая минута похожа на вечность».

«Сегодня я сделала это три раза… Ты меня накажешь?»

«Я люблю тебя, я так сильно тебя люблю, что мне больно от этого».

– Теперь вы понимаете, кем были для него?

Я вздрогнула и быстро обернулась – Лиам стоял в дверях и смотрел на меня своим неизменно холодным, равнодушным взглядом. Нет, я ничего не понимала, мне было не по себе, и у меня подгибались колени. Зверь не мог любить меня, это невозможно, такие не умеют…

– Уступите!

Отрицательно качнула головой:

– Я потеряю себя.

– А вы разве еще не потеряли? Ведь вы здесь. Видите, КАК много вас здесь? Вы во всем, и в тоже время вас нет.

Лиам ушел, а я все еще оставалась в этой комнате. Мне казалось, что я попала в какое-то зазеркалье, изнанку самой себя и Нейла. Туда, куда никого и никогда не пускают. В сокровенное. Притом не в свое, а в его сокровенное. И это было самое жестокое открытие для меня. Не то, что Нейл показал мне в замке императора, не то, что я видела до этого в каждом его слове и поступках, а то, куда он не впустил бы меня, а возможно, даже и себя самого.

Слова. Как много можно сказать и как мало можно из них понять. Даже если кто-то кричит, мы можем не слышать ни звука. И я не слышала ничего из того, что говорил Нейл, а сейчас эта комната говорила со мной тишиной. Глухой, очень чуткой и звенящей тишиной, в которой я слышала шепот каждого предмета, каждого атома в воздухе, который пропитался прошлым… И я уже не могла отрицать, что это прошлое было. Наше с ним прошлое, которого я не помню.

Несмотря на то что это его территория, в этой комнате было так много меня, как, пожалуй, нигде больше за всю мою жизнь.

Я снова открыла ящик стола с розами, разложила их на постели. Первая совсем черная от времени, как и несколько последующих, а самая последняя с подпаленными лепестками, все еще имела запах. Зачем он складывал их в ящик?

Думал обо мне?

– Никогда не говори никогда, малыш. Даже бессмертным не дано заглянуть за ширму вечности. Кто знает, что находится там, на границе эпох?

– Есть вещи, неподвластные смене времен, Нейл. Как моя любовь к тебе.

Вздрогнула и обернулась по сторонам. Голоса. Они звучали у меня в голове так отчетливо, что по коже пошли мурашки. И неясные образы, от них пульсировало в висках, стало не по себе. Я подошла к постели и села на краешек. В животе взметнулся дикий вихрь бабочек, но мне казалось, что их крылышки обгорели и они хаотично мельтешат внутри меня, испуганные, оглушенные, сошедшие с ума. Закрыла глаза… и образы… Я увидела их как сквозь туман… Точнее, я увидела Нейла… но не себя, потому что это я говорила… Это был мой голос, который нежно шептал:

«Есть вещи, неподвластные смене времен, Нейл. Как моя любовь к тебе».

Я откинулась на подушку и зажмурилась, сжала виски пальцами, чтобы избавиться от голосов, от навязчивого эха, от провокации собственного воображения.

* * *

«Когда они повернули регулятор на компьютере в моей камере, я словно прошла сквозь стены и оказалась в таких местах, о существовании которых не подозревала. На обшарпанных улицах с разбитыми фонарями, где в сумраке скользили жуткие, объемные тени в поисках плоти, как голодные хищники. Я слышала леденящие душу крики, видела море крови и истерзанные тела. Видела существ, совершенно не похожих на нас, настолько отвратительных, что кровь стыла в жилах, и я беззвучно кричала от ужаса. Шла через языки пламени, обжигая босые ноги, заглядывала в окна заброшенных домов, спотыкалась о

кости на развороченном кладбище… а иногда… среди жутких тварей я видела живых людей. Так похожих на нас. Но они выглядели иначе, они держались за руки, прижимались друг к другу и смеялись. Смех. Мне почему-то казалось, что я никогда в жизни не смеялась. Но ведь я была счастлива? Точно была. А сейчас я словно шла сквозь них, сквозь этих людей, слышала биение их сердец, чувствовала дыхание, видела мир их глазами – полный разных оттенков, запахов, звуков, и вдруг в это счастье ворвались тени в черном, они растоптали цветы, убивали их детей, насиловали их женщин. Грязно, грубо, отвратительно, жутко. Уродливо до тошноты. Раздирали их плоть… и я видела, как разбивается счастье, рассыпается, превращаясь в пепел, насколько оно хрупкое. Где-то в уголках моей памяти пульсировало навязчивое чувство, что и мое счастье разбилось. Я видела, как смех на их лицах превращается в гримасы боли и ужаса, мне стало страшно.

Нейл! Где же ты?

Жутко. Я рыдала, стоя на коленях, кричала и умоляла прекратить эти пытки, не трогать их или не мучить меня этими жуткими картинами.

А потом я снова шла, шатаясь среди останков, спотыкаясь о мертвые тела. Крупные капли дождя смывали кровь с истерзанных жертв. Их широко распахнутые глаза смотрели в грозовое небо, а слезы смешались с грязными потеками воды. Матери прижимали к себе мертвых детей, и я кричала от ужаса, меня раздирало от их горя, от осознания их беспомощности перед чудовищами, возомнившими себя богами.

Нейл! Забери меня отсюда! Мне страшно!

Я поскользнулась и упала на них, собственный крик оглушил меня саму – я увидела среди мертвецов Мию: захлёбываясь слезами, я трясла ее за плечи и умоляла проснуться, я шептала, что заберу ее и никому не дам в обиду. Но ведь мы обе знали, что я лгу. Я такая же никто, как и она. На меня саму надвигались те же тени… я видела их идеально красивые лица и голодный блеск в глазах. Они тянули ко мне руки и смеялись.

Нейл! Пожалуйста забери меня!..

Нет, он не придет за мной, я сама прогнала его, я сама оттолкнула, он не захочет меня слышать.

И вдруг сквозь крики и жуткий смех тварей:

– Тихо, маленькая, тихо. Проснись Посмотри на меня. Я здесь, девочка. Я с тобой.

Распахнула глаза и вскрикнула, когда увидела бледное лицо Нейла, склонившегося ко мне. Неожиданно для себя обхватила его за шею дрожащими руками и сильно прижалась к нему, захлебываясь слезами. Еще не понимая, что уснула в запрещенном секторе, на его постели и сейчас все уже наяву.

– Не уходи, – вырвалось само, тихим отчаянным всхлипом, а уже через секунду мне казалось, что нет ничего более естественного, чем попросить его остаться со мной.

Почувствовала, как Нейл крепко прижал меня к себе, зарываясь пальцами в мои волосы.

– Спи, я здесь. Это просто кошмар. Просто кошмар, маленькая.

Устроился на подушках, привлекая меня к себе на грудь, а я приподняла голову и посмотрела ему в глаза. Долго. Молча. Так много вопросов, и не хочется задавать ни одного. Показалось, что он взволнован, но разве это возможно? Тяжелый взгляд и бледное лицо, покрытое многодневной щетиной. Поднял руку, убрал с моего лица слипшиеся, влажные волосы, провел большим пальцем по щеке, и я не сразу поняла, что он вытер мои слезы, но ласка пронизала все тело… Не возбуждением, а чем-то новым. Чем-то, что я никогда бы не подумала, что могу испытывать именно к нему… Только от этой ласки стало больно в груди. В полумраке спальни он казался немного иным, точнее, Нейл сейчас вообще казался мне иным, словно резкие черты лица смягчились, а в светло-синих глазах отражались сомнение и ожидание. Палец все еще гладил мою щеку, прошелся по дрожащей нижней губе, и Нейл снова привлек меня к себе. Не настойчиво, мягко.

Я медленно судорожно выдохнула и склонила голову к нему на грудь. Под щекой билось его сердце очень гулко и быстро, словно в моем кошмаре мы побывали вдвоем. Но разве такие, как он, могут бояться?

Постепенно дыхание выравнивалось, и я чувствовала, как Нейл продолжает гладить мои волосы, спину, а потом… сквозь сон, прикосновения губ к макушке и шумный вздох… Улыбнулась краешком губ. Он втянул мой запах. Это была моя первая улыбка ему, но он ее не видел.

Никогда еще за все время моего пребывания в этом доме я не чувствовала себя настолько в безопасности… И именно с тем, кого опасаться надо было больше всего в этом мире и в этом доме. Только мое подсознание реагировало совсем иначе, я успокаивалась в его объятиях так противоестественно и в тот же момент правильно.

Потому что я наконец-то именно уснула, а не забылась тревожным сном. Словно это было так привычно – засыпать у него на груди.

6 глава

Обряд инициации Деуса едва ли не единственный наглядный пример того, насколько важно сильное потомство, способное отстоять фамильные территории и блага в случаях междоусобиц. Высшим хищникам не дано любить бескорыстно, беззаветно и искренне даже собственных детей. Любить своего ребенка просто так, лишь за то, что он у тебя есть. Без того, чтобы возлагать на него какие бы то ни было надежды или обязанности. Деусы, как и животные в мире смертных, сами убивают неспособных выжить да и просто гораздо более слабых детей. Это не жестоко, не цинично. Это естественно, честно и объясняется самой природой Деусов. Зачем кормить и тратить время и ресурсы на того, кто не сможет стать впоследствии достойным членом стаи – семьи?

Первые двадцать лет своей жизни Деусы питаются большей частью силой своих родителей. И отчет ведется с момента, когда мать всё ещё носит его в себе. Иначе он обречен на смерть. И слабостью здесь считались не столько физические недостатки, сколько отсутствие силы. Неспособность защитить себя и свой род. Таких безжалостно отправляли на Необитаемые земли.

Я достаточно изучал чужие миры и понял, что только смертные способны любить другое существо только потому, что оно одной с ним крови. Каким бы немощным

и чахлым оно ни было. Необъяснимая готовность матери пожертвовать собой ради жизни своего слабого ребенка; отцы, которые молча прощаются со всем имуществом только за одно обещание врачей выздоровления их больных чад. Что может быть глупее и бессмысленнее? Лишать себя и свою семью возможностей к существованию ради того, кто никогда не станет ей опорой?

Для такого, как я, подобная информация была не просто удивительна, она вызывала шок и неприятие. Пока я не понял, что именно в этом и состояло наше основное отличие от смертных. Жалкие ничтожества, именуемые людьми, попросту оказались гораздо сильнее морально и благороднее своих господ. Быть готовым вспороть себе вены и подставить шею на ужин Деусу только за его лживые слова о том, что детей не тронут, всё же понимая, что это обман. Обман… Как так? Спокойно идти на собственную смерть, зная, что это всё равно не спасёт твоих близких. А по сути – совершенно непонятный страх смертных пережить своих детей.

Они хоронят родителей, любимых, братьев и сестёр и плачут, обвиняя небеса в потерях, но смиренно принимая их. Но люди никогда не прощаются насовсем со своими детьми. Даже опустив их тела в холодную землю, они не отпускают до конца души, раз за разом призывая их к себе… либо наконец окончательно сдавшись, следуя за ними добровольно. Часто с улыбкой облегчения на губах.

Верх сумасшествия. Но ведь любое благородство таит в себе целую палитру ярких оттенков безумия. Способность не просто отказаться от личной выгоды в пользу другого человека… пресловутое благородство… или всё же один из признаков сумасшествия?

И теперь мне предстояло несколько дней подпитывать собой плод, что означало находиться рядом с его матерью. Несколько дней. Слишком долгий промежуток времени для нас. Конкретно для меня. Потому что Селена явно ждала нашей встречи. Не нужно быть Высшим, чтобы читать её мысли. Женщины действительно подобны открытой книге, если заинтересованы в мужчине. Их выдают блеск в глазах и сбившееся дыхание, изменившийся аромат тела и откровенное «ДА» во взгляде. И это тоже, мать её, природа. Перед ней бессильны и нищие голодранки, и богатые аристократки, и самые последние шлюхи, и чопорные монашки. Абсолютное согласие перед своим мужчиной. Так самки реагируют на самых сильных и интересных самцов в окружении, склоняют головы, подпуская всё ближе и ближе, заигрывая и позволяя обхаживать себя. Для того, чтобы после покорно отдаться самому достойному.

Селена был идеальной женой на протяжении этих дней. Да что уж говорить, она была бы идеальной женой для любого высокопоставленного Деуса. Абсолютно не глупая, она отлично понимала, как следует держать себя в высшем свете и каких ответов хотят услышать от принцессы Единого Континента. Селена Мантелла могла бы составить достойную партию даже самому императору.

– Ты снова задумался, – с бокалом крови в руках плавно подошла к моему креслу и присела на подлокотник.

– Что-то произошло, Селена?

– Нет, – пригубила напиток и зажмурилась от удовольствия, – пока что нет.

– В таком случае, зачем ты пришла ко мне?

– У меня была, – пальцами пробежалась по вырезу моей рубашки вниз, – парочка идей, как нам скрасить это время здесь, – склонившись к моему уху, – на самом краю Континента.

Прислушался к себе, понимая, что ощущаю лишь скуку и пустоту. Несмотря на откровенный прозрачный наряд, которым она едва прикрыла свои крутые формы, несмотря на аромат её возбуждения, тут же коснувшийся ноздрей, и лихорадочный призыв на дне глаз. А я смотрю на неё и чувствую лишь привкус фарса на языке. Словно смотришь дешёвую постановку режиссёра средней руки, постановку, которая проваливалась с треском на глазах у публики.

Перехватил её руку, сжимая запястье.

– Я думал, ты достаточно умна, чтобы не играть в эти игры, Селена. Хотя бы потому, что знаешь – мне они не интересны.

– А что тебе интересно? – зашипела, выдёргивая ладонь. – Пропадать в своем замке в полном одиночестве? Я всё-таки твоя жена. Беременная жена, а не потаскушка с улицы, которую можно запереть…или… – Прищурилась, подаваясь вперёд: – Всё же не один, да, Мортифер?

– Да. Не один. – В её глазах промелькнула ярость и тут же затаилась где-то в глубине. – Правда, я думал, твои шпионы давно тебе донесли об этом. Разве нет? – улыбнулся, увидев, как она сжимает ладони в кулаки. Думала, я буду отрицать? Значит, всё же я слегка ошибался в её умственных способностях. – Послушай, милая. Единственное, что нас с тобой связывает, это обещание моего императора твоему отцу дать тебе МОЮ фамилию.

– В обмен на наши ресурсы и земли.

– В обмен на ваши ресурсы и земли. И до недавнего времени тебя устраивали условия нашей сделки. Так ведь?

Прищурилась, закусив губу. Секундная борьба, и здравый смысл всё же побеждает гнев. Хорошая девочка.

Склонила голову набок.

– Алерикс сообщал, что приедет сегодня на ужин.

– Я учту. Можешь идти.

И она молча ушла, хотя нам по большому счёту и не нужны были слова. Достаточно было приспустить завесу её мыслей, чтобы ощутить физически на себе её злость и недоумение, желания и обиды. И ярость. Ярость столь сильную, что, казалось, можно увидеть, как она пульсирует под её кожей, как переливается разными оттенками бордового, смешавшись с кровью. Цвета ревности. Яркие настолько, что режет глаза. Если, конечно, представить, что эта Деус способна на ревность. Скорее, нежелание потерять свое положение, стабильность в обществе и мужчину, обеспечивающего их. Невероятно красивая, стройная, яркая, словно бабочка. Сексуальная настолько, что многие Высшие согласились бы рискнуть собственными жизнями, но оказаться в её постели.

Вот только я никогда не любил бабочек. Мне они всегда казались слишком мерзкими существами. Никогда не понимал тех, кто восхищался ими. Ведь я отлично помнил, какими тварями они бывают большую часть своей жизни. Оторвать им крылья, и от красоты не останется и следа. Лишь крошки на пальцах.

Усмехнулся, поймав себя на мысли о Лие. О той, кто сводила с ума одним взглядом, одним своим присутствием рядом. Дьявол! Прошло всего три дня, а я уже подыхал от желания увидеть её, прикоснуться к шёлковой коже, просто, блядь, почувствовать её дыхание. Пусть даже за дверью. Она точно не могла быть серой бабочкой с иллюзорными крыльями. Ночной цветок, подобно лучу солнца, рассекающий своей красотой полог тьмы. Цветок, которым хочется любоваться бесконечно. Который хочется сорвать ко всем чертям собачьим и спрятать. Чтобы никто и никогда не смел коснуться его нежных лепестков, не смел любоваться его изысканным бутоном и вдыхать тонкий аромат. Иногда мне казалось, что легче смять его в ладонях и раскрошить на мелкие части, чем позволить другим приблизиться к нему. Скорее сдохнуть самому или убить каждого, кто посмеет отобрать её у меня.

Это ощущение появилось не сразу. Только сейчас, после того, как вернул её себе. Наверное, стоило едва не скончаться без неё в нашем грёбаном мире, чтобы почувствовать, насколько она необходима мне. Наверное, куда легче перестать дышать вообще, чем отпустить её снова. Куда бы то ни было.

* * *

А после – долгие разговоры с императором и его приближёнными, приглашёнными на столь значимое событие, как инициация наследника правящей семьи, томные улыбки их жён и самоуверенные взгляды Селены в их сторону. Взгляды, не больше. Потому что она не могла выразить их словами. Потому что сучка чуяла, что я не позволю ей обозначить мою принадлежность ей.

Потому что принадлежать кому-то означает полностью потерять право управлять собственной жизнью и мыслями. Потому что это долбаное право я потерял давно. Его вырвала у меня из рук маленькая оборванка с огромными глазами. Отобрала и спрятала где-то на самом дне голубого взгляда.

Дальше началась непосредственно самая церемония инициации. Под тёмными сводами пещеры, в болоте которой, согласно легендам Единого Континента, сотни тысяч лет назад появились из тяжёлого смрада бестелесные духи, пересекшие границы нескольких Вселенных и вселившиеся в хищников этого мира. Именно так когда-то появилась особая раса – Деусы, самая сильная раса Единого Континента и близлежащих территорий.

Самое главное во время ритуала – не прерывать связь с матерью плода. Держать её за руку, обнимать за плечи, что угодно, но не позволить прерваться потокам силы, сконцентрировавшимся в месте соприкосновения наших тел. Так соединялись духи матери и отца, устремляясь единой волной в тело плода, наполняя его энергией и питая собой.

Этот обряд иссушает напрочь даже всесильных Высших, забирая всю энергию и оставляя чувство полного опустошения. Ощущение, будто тебе выпотрошили все внутренности и оставили лежать на холодной земле, несмотря на то, что ты способен ходить и даже разговаривать.

* * *

Это случилось именно во время обряда. Ворвалось в мозг мощной струёй отчаяния и страха. ЕЁ СТРАХА. Громкий крик, пронзивший всё тело судорожной волной нашей связи. Связи, от которой Селена, стоявшая рядом, пошатнулась и едва не упала на колени. Подняла изумлённые глаза к моему лицу и покачала головой. Сейчас она видела все мои мысли, слышала голос Лии в моей голове, а я чувствовал её ненависть и боль от осознания принятого мною решения. Хотя чёрта с два я что-либо решал в этот момент. Чёрта с два я мог связно думать. В голове пульсировала единственная мысль, лишавшая свободы выбора. С Лией у меня никогда не было выбора.

«Нейл! Пожалуйста забери меня!» Её слёзы в голосе холодным цунами по коже, и я разрываю контакт с женой, чтобы мгновенно оказаться в тёмном водовороте нашей с Лией связи. Несколько мгновений, показавшихся вечностью, и она в моих руках, испуганная, с мокрыми дорожками на щеках.

– Тихо, маленькая. Тихо. Проснись. Посмотри на меня. Я здесь, девочка. Я с тобой.

Истерика страха, затихающая, как только она открыла бездонные озёра глаз и посмотрела на меня.

Прижимаю её к себе, целуя волосы, гладя плечи и шепча успокаивающие слова. Ей. И себе. Потому что испугался не меньше её. Потому что думал, что теряю её. Потому что лучше десять раз принять наказания, налагаемые императором за

мой побег, чем позволить ночному кошмару забрать её у меня. Не отдам никому и ничему. Даже её собственным видениям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/soboleva_veronika/ne-lyubi-menya

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити